

Илья Пушкин

Восходящего солнца
НЕЖНОСТЬ

イリヤ プーシキン

昇る日の優しさ

Илья Пушкин
Восходящего солнца нежность

イリヤ プーシキン
昇る日の優しさ

художник – Маша Ткаченко
дизайнер – Симона Вайсберг

Автор этой необычной книги, Илья Пушкин – «nihonbiki» – человек, влюблённый в Японию и японскую культуру, русский еврей, живущий в Израиле, сочиняющий в Иерусалиме стихи на японском языке и «японские» рассказы.

Двухязычная (японско-ивритская) книга лирических стихов Ильи Пушкина является смелым культурологическим экспериментом, первым в своём роде. Наличие параллельного японского перевода стихов придаёт книге аутентичность.

Герой «японских» рассказов Ильи Пушкина находится в постоянном поиске ускользающего образа прекрасной японки.

Действие рассказов разворачивается в Иерусалиме и Париже – любимых городах автора.

Книга оформлена необыкновенно нежными, гармонирующими с текстом рисунками художника Маши Ткаченко.

目次

Содержание

序文	
Предисловие.	7
優しい熊の歌	
Песни нежного медведя	9
いろいろな愛のことの歌	
Разные песни о любви	35
恋に苦しんでいる熊の歌	
Песни медведя, страдающего от любви	53
笑っている熊の歌	
Песни смеющегося медведя	77
いろいろなことを考えている熊の歌	
Песни медведя, размышляющего о жизни	95
悲しい熊の歌	
Песни печального медведя	131
Из Японии с любовью	143
Японка на мосту	161
Японка под дождём	181
Мы найдём тебя, мистер хакер!	193
Для тех, кто учит японский	205
Японка с зонтиком	215
Прощай, ниндзя!	223

恋する熊の歌

Песни влюблённого медведя

母の思い出に捧げる

Посвящается светлой памяти моей мамы
Раисы Григорьевны Пушкиной (Вайнман)

序文

Предисловие.

Уважаемый читатель, Вашему вниманию предлагается книга моих стихов на японском языке с переводом на русский.

Мои стихи – не японские, не подражание им и не подделка под них. Эти стихи написаны человеком европейской культуры под влиянием японской эстетики.

Почему я пишу по-японски? Потому, что я влюблён в японский язык и японскую культуру, потому, что я очарован их изысканностью, потому, что они вдохновляют меня:

私にはひとつひとつの
漢字の中に
日本人の女の子の
美しさが見え隠れする。

В каждом иероглифе
скрывается от меня
красота
японской девушки.

私にはひとつひとつの
日本語の言葉の中に
詩が見え隠れする。

В каждом японском слове
прячется от меня
стихотворение.

Эту книгу стихов я посвящаю светлой памяти моей мамы, Раисы Григорьевны Пушкиной (Вайнман), воспитавшей во мне японское видение мира и японское понимание красоты. Я благодарен госпоже Хироко Хашимото и госпоже Такао Минами за редакцию моих стихов на японском языке.

Илья Пушкин

優しい熊の歌

Песни нежного медведя

星の光は冷たいものだが、
あの星の光だけは
灼けるようだ。

Звёздный свет – холодный,
но свет этой звезды
обжигает.

私は嬉しくなる
あなたの
「久しぶりですね」を聞く時だけ。

(«久しぶりですね – hisashiburi desū ne –
«давно не виделись» –
фраза, которую говорят японцы
после долгой разлуки)

Я буду счастлив,
если только твоё «давно не виделись»
услышу.

箸は一本でいる
ことができないように
私はあなたなしでいる
ことができない。

(箸 – hashi – палочки для еды)

Как палочка «хаши»
не может быть одна,
так и я не могу быть
без тебя.

孤高の静かな星は
私の忠誠と崇拜で
取り巻かれる。
今夜の空に
彼女だけが光る。

Одинокая тихая звезда
окружена
моей преданностью и любовью.
В сегодняшнем ночном небе
она лишь одна сияет.

今日あなたは間違えて
御飯の代わりに
弁当に口づけを詰めた。

可愛い間違いのせいで
私の心はあなたの愛で
満腹だ。
けれども、
私のお腹は空いている。

(弁当 – bentō – завтрак в коробке,
взятый из дома или покупной)

Сегодня ты по ошибке
вместо риса
положила в «бентō» свои поцелуи.

Из-за этой милой ошибки
моё сердце сыто твоей любовью,
а желудок пустой...

変な夫婦だ。

出る時に
口づけのために
彼は
「いって きます」と言うのを
忘れた。

迎える時に
口づけのために
彼女は
「おかえりなさい」と言うのを
忘れた。

結婚したのは
一年前になるのに、
彼らのアパートからはまだ
口づけの音だけしか
聞こえない。

(Уходя из дома, японцы говорят остающимся членам семьи: «いってきます – itte kimasu – до встречи!» Возвращающегося домой члена семьи японцы приветствуют фразой: «お帰りなさい! – okaeri nasai – с возвращением!»).

Странная пара.

Когда он уходит,
из-за поцелуев
«До встречи!» –
забывает сказать.

Когда она его встречает,
из-за поцелуев
«С возвращением!» –
забывает сказать.

Уже целый год
прошёл после свадьбы,
а из их квартиры слышны
лишь звуки поцелуев.

秋の雨の
模様を通して
君の微笑みは
ほとんど見えない。

悲しさは
暫く私の心の中に
住み着けた。

遠い星からでは
君の優しさは
ほとんど届かない。

Сквозь рисунок
осеннего дождя
твоя улыбка
почти не видна.

Печаль
давно поселилась
в моём сердце.

С далёкой звезды
твоя нежность
почти не доходит.

夏の終わりの
突然の雨は
秋の始まりのキスのようだ。

Неожиданный дождик
поздним летом, —
как первый поцелуй осени.

傘を差すのを忘れた私は
君の濡れ髪と
雨の銀髪にキスしている。

Я забыл раскрыть зонтик,
и теперь
целую твои мокрые волосы
и серебряные волосы дождя.

秋の雨のしずくは
私の窓を叩いている、
「私を愛して下さい」
と言っている。

私も
あなたの心の扉を
叩いている、
希望もなく、果てしなく
「私を愛して下さい」
と言っている。

Капля осеннего дождя
стучится в моё окно
и говорит:
«Люби меня, пожалуйста!»

Также и я
безнадёжно и бесконечно
стучусь в двери твоего сердца
и говорю:
«Люби меня!»

亀は危険から甲羅を閉じる。
私は君の優しさから
どう私の心を守ればいい？

Черепаха от опасности
закрывается панцирем.
А как защитить мне
от твоей нежности
своё сердце?

私の閉じた心は
君の愛のためにだけ
隙間が残っている。

В моём закрытом сердце
только для твоей любви
осталась маленькая щелочка.

私の閉じた心は
君の優しさと暖かさに
いつも隙間がある。

В моём закрытом сердце
для твоей нежности
и твоего тепла
всегда есть маленькая щелочка.

霜の事

霜は
君の手の暖かさに
溶ける。

私の心は
君の優しさに
溶解したい。

Стихи об инее.

Иней
тает
в тепле твоих рук.

Моё сердце
в твоей нежности
хочет растаять.

窓のそばに
長く座っている。
霜の模様を通して何を見るか?

Долго сидишь
у окна.
На что ты смотришь
сквозь узоры инея?

冬は来るとき、
霜の花は木の枝に咲く。
花見をしに行きましょうか?

(花見 – hanami – любование цветами).

Когда приходит зима,
цветы инея распускаются
на ветках деревьев.
Пойдём ими любоваться?

夜に誰か
霜の模様を描いた？
一度も誰も
霜の秘密を知ることができない！

Кто нарисовал
узоры инея ночью?
Никто и никогда
тайну инея не узнает!

夢もなくなった、
でもあなたは
私と一緒にいる。

夢から来た女の子は
夢に帰るのを忘れた。

Сон уже прошёл,
а ты
осталась со мной.

Девушка, пришедшая из сна,
забыла в сон вернуться.

私の君の誕生日のプレゼント

君の誕生日にもらった
みんなからのプレゼントは
テーブルの上に置いておいて下さい。
でも私のプレゼントは
君の心に
抱きしめて。

Мой подарок на твой день рождения.

В твой день рождения
полученные от всех подарки,
разложи на столе,
а мой подарок –
прижми к своему сердцу!

夏の雨は
傘を持っている女の子に
化けた。

静かで暖かい夜は
恋している女の子に
化けた。

私達の
突然の短い出会いは
永久の幸せに化けた。

Летний дождик
превратился
в девушку с зонтиком.

Тихий тёплый вечер
во влюблённую девушку
превратился.

Наша случайная
короткая встреча
превратилась в счастье
на всю жизнь.

私の愛は
もろい貴重品みたいだ。
誰もこわさないように、
安全な場所に隠した。

君だけが
私の心の秘密を
知っている。
君だけが
どこに私の愛があるか
知っている。

Моя любовь –
подобна хрупкой драгоценности.
Чтобы никто её не разбил, –
в безопасное место
я спрятал её.

Только тебе известна
тайна моего сердца.
Только ты знаешь,
где спрятана моя любовь.

私は
誰でも出会った女の子の
美しさの中には秘密を探している、
微笑の謎を探している。

В каждой встреченной девушке
я ищу:
тайну в её красоте,
загадку в её улыбке.

いろいろな愛の歌

Разные песни о любви

初めてのキスから
墓まで
駆け足で時間が経って行く。

だから、愛の言葉は、
早く言わなくちゃ。

От первого поцелуя
до могилы
время быстро проходит.

Надо бы успеть
сказать слова любви.

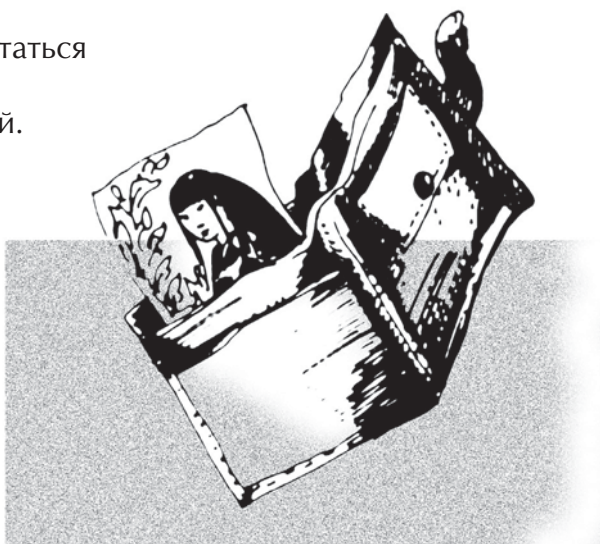
暑さの事

八月の暑さの中で
私の財布は町に
一番寒いところだ。
あなたは
私の寒い懷の中に
暑さから隠れたほうがいい。

Стихи о жаре.

(«Холодный» кошелёк и «холодная запазуха»
символизируют у японцев отсутствие денег).

В августовскую жару
мой кошелёк –
самое холодное место
в городе.
Ты можешь спрятаться
от жары
у меня за пазухой.

暑中見舞いの事

あなたの
暑中見舞いの絵葉書は
私に届いた時には
もう涼しくなっていた。

これは、
私はあなたと出合った時
もう違う女の人と
結婚してしまっていたように。

Сочувствие во время сильной жары.

(暑中見舞い – shochūmimaï – сочувственные
открытки, которые японцы посылают друг другу
во время сильной жары)

Когда я получил
твою «освежающую» открытку,
стало уже
прохладно.

Это можно сравнить с тем, что,
когда мы встретились,
я уже был женат
на другой женщине.

私が地獄の火で焼けている時、
あなたの爽やかな暑中見舞いが
届いて嬉しかった。

Когда я буду жариться в аду,
мне будет приятно
получить от тебя
«освежающую» открытку.

蒸し暑い真夏だ。
秋まであなたと一緒に
冷蔵庫の中で
暑さから隠れましょう。

でも冷蔵庫でもう
私たちのキスのせいで
熱くなる。

Удушливая жара в середине лета.
До осени
давай спрячемся от жары
в холодильнике.

Но и в холодильнике
станет жарко
от наших поцелуев.

雪達磨へ愛の事

暑い真夏に
雪達磨を恋することは
少し危ない。

楽しみ始めた時
幸福は消えてしまった。

可愛い雪達磨が
溶けないために
どうすればいいか？

Стихи о любви к Снежной Бабе.

Посреди жаркого лета
влюбиться в Снежную Бабу
немного опасно.

Только начнёшь
наслаждаться любовью, –
а счастье уже исчезло.

Милая Снежная Баба!
что же сделать,
чтобы ты не растаяла?

雪達磨に
暖かい仲が
危なくないか？

暖かい言葉に
雪達磨は
溶けないか？

Тёплые отношения
для Снежной Бабы
не опасны?

От тёплых слов
она не растает?

強い抱擁の事

冬の風が
あなたを骨まで
しみ通す。

冬の寒さから
あなた自身を守るのに
もっと近寄って。

私は心の暖かさで
あなたを包むだろう。

Стихи о крепких объятьях.

Зимний ветер
пронизывает тебя
до костей.

Чтобы защититься
от зимнего холода,
крепче прижмись ко мне.

Я укутаю тебя
теплом моего сердца.

彼女の偶然の視線は
私の心を射た。
恋する心は
病気の心臓みたいだ。

私はこの甘い痛みを
春の偶然のプレゼントとして
貰った。

彼女の偶然の視線
と一緒に
私に偶然の幸福が
やって来た。

偶然、この春に
私は自分の愛を
見つけた。

Её неожиданный взгляд
попал мне в самое сердце.
Влюблённое сердце
больному сердцу подобно.

Эта сладкая боль –
неожиданный
подарок весны.

Вместе с её
неожиданным взглядом
неожиданное счастье
ко мне пришло.

Так неожиданно
этой весной
я нашёл свою любовь.

私をもっと強く抱いてください、
あなたの抱擁が必要だ。
あなたの抱擁は
この世界で
唯一の安全な場所だ。

私をもっと強く抱いてください。
生涯ずっと
あなたの愛と暖かさで
一杯でありたい。

私をもっと強く抱いて下さい。
あなたの抱擁は
私の病をすべて治す、
私に命の力をくれる、
私を苦勞から守る、
私を苦悩から救う。
私をもっと強く抱いて下さい。

Обними меня крепче, пожалуйста.
Твои объятия так нужны мне!
Твои объятия –
единственное безопасное место
в этом мире.

Обними меня крепче, пожалуйста.
Я хотел бы всю жизнь
быть наполненным
твоими любовью и теплом.

Обними меня крепче, пожалуйста.
Твои объятия
исцелят меня от всех болезней,
придадут мне сил,
защитят меня от страданий
и спасут от напастей.
Обними меня крепче, пожалуйста.

あなたは愛の代わりに
遠い星の光を
私に差し出した。

今私は愛のために
遠い星に飛ぶ筈だ。

Вместо своей любви
ты мне подарила
свет далёкой звезды.

Теперь за любовью
к далёкой звезде я должен лететь...

あなたの愛の言葉は
誓いなのか偶然の失言か
分からない。

Твои слова любви –
это клятва, или
случайная оговорка?

私は彼女を忘れた、
でも彼女の私に向けた愛を
覚えている。

まるで遠い星が、
それ自体消え失せて、なお
その光を、地上に
届かせるかのように。

Я уже забыл ту женщину,
но её любовь ко мне
помню.

Как будто, далёкая звезда
уже давно исчезла,
а свет от неё
ещё доходит...

熊は冬眠から目が覚めたとき、
お腹が空いているそして
心が愛にかわいている。

Когда медведь проснулся
от зимней спячки,
его желудок пустой,
а сердце жаждет любви.

恋に苦しんでいる熊の歌

Песни медведя,
страдающего от любви

あなたは私に
重い石のような
言葉を投げている。

あなたの言葉は
私を傷つける。
あなたを愛するのを
妨げないで。
愛させて下さい！
お願いだから。

Как тяжёлые камни
ты бросаешь в меня слова,
и они
больно ранят меня.

Не мешай
моей любви.
Позволь мне
любить тебя.

あなたの冷淡は
私の心を毀す。
あなたが同意を示しても、
まるで断っているようだ。
どうやってあなたの心に
愛の火を付けようか？
どうやってあなたに
私の優しさを伝染そうか？

Твоя холодность
разбивает мне сердце.
Твоё согласие
похоже на отказ.
Как же мне
разжечь в твоём сердце
огонь любви?
Как же мне
заразить тебя
моей нежностью?

私の幸せは
君と一緒に
寒い町に出て行った。

私の愛は
君と一緒に
行ってしまった。

君は出て行く前に
私の心を
持ち主に返すのを
忘れてしまった。

Моя любовь
вместе с тобой
вышла в холодный город.

Моё счастье
вместе с тобой
ушло навсегда.

Ты, перед тем, как уйти,
моё сердце
вернуть забыла.

上を向かないで歩こう
涙がこぼれるように。

この古い歌を
思い出すだけ
ひとりぼっちの夜。

私の幸せは
空の上にはない、
雲の上にはない。

私の幸せは
あなたと一緒に
逃げてしまった。

Я иду, не поднимая головы,
чтобы слёзы падали на землю...

Только эта старая песня
вспоминается
в ночь одиночества.

Моё счастье –
не на небе.
Моё счастье –
не за облаками.
Моё счастье
вместе с тобой
ушло от меня навсегда.

君は私から
逃げてしまった。
でも月が残っている。
私は君に愛の歌を
歌う代わりに
月へ吠える。

月への遠吠えは
孤独の歌だ。
ほえ声と一緒に
心から
痛みが出て行く。

Ты ушла
от меня,
но осталась луна.
Вместо того, чтобы петь
тебе песню любви,
буду выть на луну.

Вой на луну –
это песнь одиночества.
Вместе с воем
из сердца
уходит боль...

失恋の授業のために
寂しさの宿題と
心の痛みの練習を
忘れないでください。

Перед уроком несчастной любви
не забудь приготовить
домашнюю работу тоски
и упражнения сердечной боли.

私たちの出会いは
突然の春のプレゼントだ。
私たちの別れは
叶わない祈りの結果だけ。

Наша встреча –
случайный подарок весны.
Наше расставание –
неуслышанная молитва.

私は
妻と別れた後で
空の家に帰った。

空の部屋は私に
「おかえりなさい」と言った。
空の鍋は私に
「召し上がれ」と言った。
空のベッドは私に
「愛して!」と言った。

Расставшись с женой,
я вернулся
в пустой дом.

«С возвращением!» –
сказала мне пустая комната.
«Приятного аппетита!» –
сказала мне пустая кастрюля.

«Я люблю тебя!» –
сказала мне пустая кровать.

私は
あなたを愛する事が
習慣になった。
あなたなしの苦しさに
慣れる事ができない。

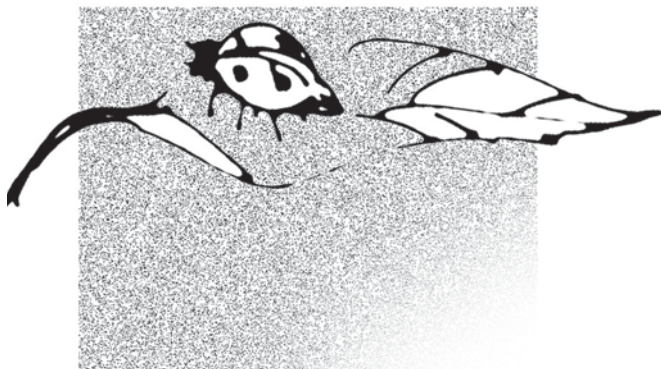
私は
あなたの暖かさに
慣れた。
空っぽの寒い家に
慣れる事ができない。

Я привык
к твоей любви,
но не смогу привыкнуть
к страданию одиночества.

Я привык к твоему теплу,
но не смогу привыкнуть
к пустому холодному дому.

私達の別れは
心に刺した鈍い針のように。
孤独の痛みを解放する事が
不可能なのか？

Наше расставание
тупой иглой
вонзилось мне в сердце.
Разве можно
избавиться
от боли одиночества?

彼女のきれいな足を
探さないで下さい、
彼女はただの幽霊だ。

彼女の心に愛を
探さないで下さい、
幽霊の中には
心も愛もない。

(У японских привидений –
yūrei – 幽霊 – нет ног).

Не ищи у неё красивых ног,
ведь она – всего лишь
привиденье.

Не ищи любви в её сердце,
ведь у привидений
нет сердца
и нет любви.

あなたが私を捨てても
あなたがどこに行こうと
誰の所に行こうと
かまわない。
だから、わざわざ
お別れの会をすることも
必要ないんだ。

Если ты оставляешь меня,
куда и к кому уходишь –
неважно.
И прощальная встреча –
не нужна.

突然に一本の箸を
見つけたとき、
もう一度自分自身の孤独を
覚える。。。

(箸 – hashi – палочки для еды)

Когда случайно найду
одинокую палочку «хаши»,
ещё раз вспомню
своё одиночество.

夢から来た女の子は
私の人生にやってきた
私の心の中に
住みついた。

でもある日
私が起きた時、
私の心は空っぽになっていた。
夢から来た女の子は
夢に帰ってしまった。

Девушка, пришедшая из сна,
вошла в мою жизнь
и поселилась в моём сердце.

Но однажды
я проснулся,
а моё сердце
опустело.
Девушка, пришедшая из сна,
в сон вернулась.

目が覚めれば、
彼女は夢と一緒に
いなくなった。

再び私は
ひとりっきりだ、
再び私の悲哀は
私に「おはようございます」と言う。

Я проснулся,
и девушка исчезла
вместе со сном.

Снова
я одинок.
Снова печаль говорит мне:
«С добрым утром!»

あなたとの別れのあとで
焼土だけが残った。
あなたは「さよなら」の前に
私の人生を
焼き払うのを忘れなかった。

После нашего расставанья
осталась лишь выжженная земля.
Ты не забыла сжечь
мою жизнь дотла
перед тем, как сказать «прощай».

俺を捨てた、
俺を捨てた、
夢から来た女の子は？

どこに逃げた、
どこに逃げた、
夢から来た女の子は？

夢に戻った、
夢に戻った、
夢から来た女の子は。

ずっと待っている、
ずっと待っている
夢から来た女の子を。

まだ愛している、
まだ愛している
夢から来た女の子を。

帰ってきて、
帰ってきて、
夢から来た女の子。

Ты меня оставила,
ты меня оставила,
девушка, пришедшая из сна.

Куда ты убежала,
куда ты убежала,
девушка, пришедшая из сна?

В сон опять вернулась,
в сон опять вернулась,
девушка, пришедшая из сна.

Я всё время тебя жду,
я всё время тебя жду,
девушка, пришедшая из сна.

Я всё ещё тебя люблю,
я всё ещё тебя люблю,
девушка, пришедшая из сна.

Возвращайся скорее,
возвращайся скорее,
девушка, пришедшая из сна!

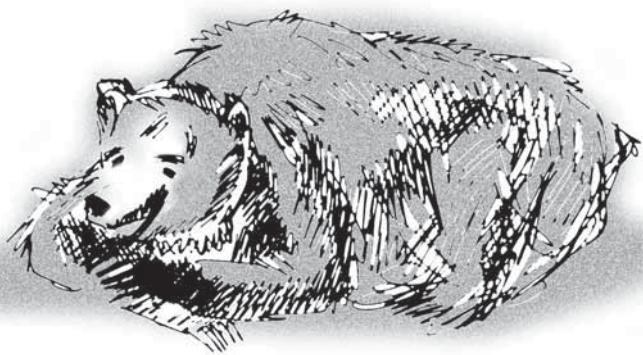
美人の目を見たら、
彼女の目の中に
あなたの壊れた心と
破壊された人生を見る。

Если заглянешь
в глаза красавице,
увидишь в них
своё разбитое сердце и
свою разрушенную жизнь.

彼女の指のあとが
私の心から消えた。
彼女の足あとを
私の生活からぬぐい去った。
小さな思い出と
少しの悲しさだけが残った。

Я стёр отпечатки её пальцев
со своего сердца.
Я стёр следы её ног
из своей жизни.
Остались
лишь лёгкие воспоминанья
и лёгкая грусть.

笑っている熊の歌

Песни смеющегося медведя

単細胞的な人間の
頭の中で
脳の細胞は
孤独から死ぬ。

(Примитивного человека с ограниченными
взглядами японцы иногда называют «ОДНОКЛЕТОЧНЫМ» –
tansaibōteki ningen – 単細胞的人間).

В голове
«ОДНОКЛЕТОЧНОГО» человека
клетка мозга
умирает от одиночества.

馬鹿は死ななきゃ
治らない。
だから、かつて馬鹿だった人は
墓の中では利口になっている？

«Дурака могила исправит».
Значит,
в могиле дурака
лежит умный?

犬っぽい友達から
解放されれば、
今度は、きっと
友達っぽい犬が
あなたの心を
治療してくれるよ。

Когда избавишься
от друга, подобного собаке,
собака-друг
всегда
излечит
твоё сердце.

交通法規

歩行者は
歩行者天国を出たら
本当の天国に入ることができます。

Из правила дорожного движения.

(Японцы называют тротуар «раем для пешеходов» –
hokōsha tengoku – 歩行者天国)

Если пешеход покинет
«рай для пешеходов»,
то в настоящий рай может попасть.

私達の文通の挨拶

時差のために
私の「おはよう!」は
あなたの「お休み!」に
「こんにちは!」と言った。

Приветствия в нашей переписке.

(時差 – jisa – разница во времени в разных
временных поясах).

Из-за разницы во времени
в наших странах
моё «с добрым утром!»
твоему «спокойной ночи!»
говорит: «привет!»

敬老の日に
礼儀正しい女の子は
年寄りを尊敬するために
金持ちの年寄りと
結婚している。

(敬老の日 – keirō no hi –
«День уважения к старшим»).

В «День уважения к старшим»
хорошо воспитанная девушка
из уважения к старости
за богатого старика
выходит замуж.

春の夜に、家の外で
ひとりぼっちの猫は
叫び喧嘩する。

春の夜に家の中で
ひとりぼっちの猫は
詩を書く。

Весенними ночами во дворе
одинокие коты
кричат и дерутся.

Весенними ночами, сидя дома,
одинокие коты
пишут стихи.

自由は要らない。
自由はひとりぼっちの猫。

自由は要らない。
君の愛からの自由は。

Мне не нужна свобода,
свобода одиноких котов.

Мне не нужна свобода,
свобода от твоей любви.

彼女は私に

「あなたの週末の予定は
何?」と聞いた。

ひとりぼっちの猫が

春の週末の予定に
何をすることができるか?

Она спрашивает меня:

«Какие у тебя планы
на конец недели?»

Какие могут быть планы

на конец недели
у одинокого кота весной?

夢の中の女の子は
夢だけだ。
夢みたいな女の子は
女の子だ。
夢から来た女の子は
誰か？

Приснившаяся девушка –
это всего лишь сон.
Похожая на сон девушка –
это девушка.
А кто же тогда
девушка, пришедшая из сна?

彼女から受け取った
手紙の中に
断りと「さよなら」がある
かもしれない。
この手紙を
開けるために
爆発物処理班を
呼びたいんだ。

В письме, полученном от неё,
наверное,
её отказ и «прощай!».

Чтобы вскрыть это письмо,
вызову-ка я сапёров!

「彼女があなたを捨てたせいで
あなたの目が赤いのですか？」

「いいえ、違います。
花粉症のせいだけです」。

「あなたは花粉症のせいで
一晩中苦しんで夜ねむれない？」

「彼女が私を捨てたせいで
総ての夜がねむれない」。

毎春は私の目が
花粉症と失恋のせいで
いつも赤い色をしている。

(Весной большинство японцев страдают аллергией на цветение – «сенной лихорадкой» – 花粉症 – kafunshō).

« – У тебя красные глаза
из-за того, что она тебя бросила?»

« – Нет, это всего лишь
из-за сенной лихорадки».

« – Ты из-за сенной лихорадки
мучаешься ночами и
не можешь заснуть?»

« – Нет, из-за того,
что она меня бросила...»

Каждую весну
у меня красные глаза
из-за сенной лихорадки и
из-за несчастной любви.

カタツムリ、
殻に隠れるのが遅過ぎた
私はあなたの秘密が皆分かった。

Улитка, ты не успела
спрятаться в домик,
и теперь я знаю
все твои тайны.

いろいろなことを
考えている熊の歌

Песни медведя,
размышляющего о жизни

空から星が落ちた、
私の心に当たった。

今は空に星を
探さないで下さい。
今は私の心から
流れ星は光る。

С неба упала звезда
и попала мне в сердце.

Не ищи её
на небе.
Звёздный свет
теперь льётся
из моего сердца.

偶然の風は
無邪気な女の子を
他人の国に
持って来た。

強い風よ、
この可愛い女の子を
彼女の故郷に
返してやって下さい。

Случайный ветер
наивную девушку
в чужую страну
принёс.

Сильный ветер,
эту милую девушку
верни, пожалуйста,
в родные края!

大きい日本の地図で
彼女の故郷は
ただの小さな点。

この小さい島のために
彼女はたくさん涙を流した、
たくさん眠らない夜を過ごした。

На большой карте Японии
её родина –
лишь маленькая точка.

Из-за этого
маленького острова
она бессонными ночами
слёзы льёт...

生まれてしまったならしょうがない、
いずれにしても生きるはず、
生き続けよう。

生まれてしまったならしょうがない、
いずれにしてもいつか
誰かに恋をしよう。

生まれてしまったならしょうがない、
いずれにしても誰かと
結婚しよう。

生まれてしまったならしょうがない、
いずれにしても稼ぐか
施しを乞うかしよう。

生まれてしまったならしょうがない、
いずれにしても笑うか
遊ぶかしよう。

(По представлениям синтоизма японцы после смерти становятся 神 – kami – богами).

Если уж родился, выбора нет:
так или иначе
надо как-то продолжать жить.

Если уж родился, выбора нет:
так или иначе когда-нибудь
в кого-нибудь влюбишься.

Если уж родился, выбора нет:
так или иначе
на ком-нибудь женишься.

Если уж родился, выбора нет:
так или иначе
будешь зарабатывать на жизнь
или выпрашивать милостыню.

Если уж родился, выбора нет:
так или иначе
будешь смеяться и
весело проводить время.

Если уж родился, выбора нет:
так или иначе
будешь побеждать своих врагов.

生まれてしまったならしょうがない、
いずれにしても敵に
勝とう。

詩人で生まれてしまったなら
しょうがない、
いずれにしてもいつか
詩を書こう。

日本人で生まれてしまったなら
しょうがない、
いずれにしてもいつか
神になろう。

Если родился поэтом,
выбора нет: так или иначе
будешь писать стихи.

А если родился японцем,
выбора нет: так или иначе
когда-нибудь станешь «ками»...

あなたが
祖国に帰える時、
往復券を買わない。
決して涙の国には戻らない。

あなたの
可哀そうな疲れた心を
実家は静かに休む。

家族の親しい人は
あなたの心を
愛で一杯にする。

家の中は
静かだ。
窓の後ろ
風は松のそばで
風自身の歌を歌う。

故郷の空気は
病んだ心に
一番いい薬だ。

失望と失敗で
一杯だった国を
すっかり忘れる。

Когда возвращаешься на родину,
не покупаешь обратный билет.
В страну слёз
никогда не вернёшься.

Твоё бедное усталое сердце
отдохнёт
в тишине родного дома.

Родные люди
наполнят твоё сердце
любовью.

В доме
стоит тишина.
За окном
ветер в соснах
поёт свою песню.

Воздух родины –
лучшее лекарство
для больной души.

Навсегда забудешь
ту страну,
полную разочарований и потерь...

赤ん坊は
生まれた後で
母の暖かさと
この世界の美しさに
すぐ慣れた。

私は
あなたを知った後で
あなたの親切な微笑と
美しさに
すぐ慣れた。

Младенец
только родился,
а уже привык
к теплу матери
и красоте этого мира.

А я
только тебя увидел,
а уже привык
к твоей доброй улыбке
и твоей красоте.

書かれなかった詩は
生まれていない赤ちゃんのように
いつかこの世界に
綺麗な花で戻ってくる。

Ненаписанное стихотворение, –
как нерождённый ребёнок,
когда-нибудь в этот мир
вернётся красивым цветком.

私にはひとつひとつの
漢字の中に
日本人の女の子の
美しさが見え隠れする。

私にはひとつひとつの
日本語の言葉の中に
詩が見え隠れする。

В каждом иероглифе
скрывается от меня
красота
японской девушки.

В каждом японском слове
прячется от меня
стихотворение.

彼女は公園で花火を見たかった。
でも久しぶりの雨が降っていたので
窓から稲妻を見ている

Она хотела пойти в парк
полюбоваться салютом.
Но пошёл долгожданный дождь,
и теперь она любит
молниями из окна.

私の簡単な
週末の予定は
ゆっくり休日を
楽しむ。

У меня есть простой план
на конец недели:
неторопливо насладиться
отдыхом свободного дня.

私の妙な羊

魔法の夜に
可愛い羊は
天空を、
星のそばで、
飛んでいる。

妙な羊は
回転している。
月と星も
回転している。
全世界は今宵
回転している。

あなたの夢から
私の夢に
不思議な羊は
飛んで来た。

回転する羊よ
私のもとに、
毎晩星空を
突っ切って来て下さい！

Моя волшебная овечка.

Волшебной ночью
милая овечка
летает в небе
между звёзд.

Чудная овечка
крутится-вертится,
месяц и звёзды
крутятся-вертятся,
весь мир
крутится-вертится
этой ночью.

Из твоего сна
в мой сон
чудная овечка
прилетела.

Крутящаяся овечка,
каждую ночь
по звёздному небу
прилетай ко мне!

私はすぐに
労働しなければならない。
休みの時間がない。
外で人の群れは
私の詩を待っている。

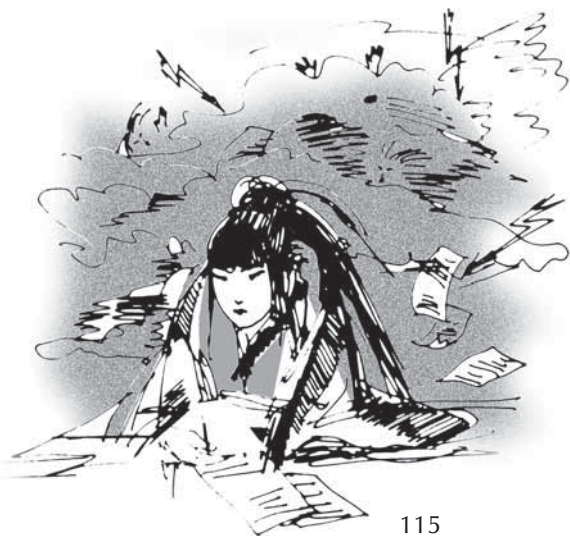
私の頭には
変な考えが群がっている。
私の心には
烈しい感じの群れが荒れ狂っている。
外で人の群れは叫んでいる、
そして人のすべては
私の詩に依り頼んでいる！

あなたは外から
強い音を聞いている？
この音は
戦争ではない、
夕立ではない。
これは人の群れと
神の群れが
私の詩を要求している
声なのだ！

Я должен немедленно
начать свою работу.
Времени на отдых нет,
ведь на улице
стоят толпы людей
и ждут моих стихов.

В моей голове
толпятся странные мысли.
В моём сердце
бушуют сильные чувства,
а там, на улице
толпы кричащих людей
ждут и просят моих стихов.

Ты слышишь: с улицы
доносится мощный гул.
Это – не война
и не гроза.
Это – толпы людей
и толпы богов
громко требуют
моих стихов!

台風の荒い風が
ドレスと仮面を剥いたら、
裸の肉体だけが見える。

愛は生まれる時、
総ての嘘のドレスを脱ぎ捨てる。
裸の心だけが残った。

台風と愛が静まったとき、
誰の裸の骨の上
鷲は空でぐるぐる舞っている？

Неистовый ветер тайфуна
срывает одежды и маски,
открывая обнажённую плоть.

Зарождающаяся любовь
срывает одежды лжи,
оставляя обнажённое сердце.

А когда
тайфун и любовь затихают,
над чьими
обглоданными костями
кружит в небе орёл?

逃げたならば、
決して誰も
私の足跡を
去年の雪の上に
見つけられない。

Если сумею убежать,
никогда и никто
мои следы
в прошлогоднем снегу
не сможет найти.

あなたは
幸福な人であるために、
馬鹿らしい間違いと
不合理の失敗とを
忘れなければならない。

あなたは
幸福な人であるために、
愛する女の人が
あなたを捨てたことを
忘れなければならない。

幸福な人であるために、
一番良い友人が
あなたを裏切ったことを
忘れなければならない。

あなたは
幸福な人であるために、
親しい親戚が
いなくなったことを
忘れなければならない。

あなたは
幸福な人であるために、
あなたの夢が
不可能なものである、
ということを
忘れなければならない。

あなたは
何も忘れなかった
それでは、
幸福な人になる
ことができない？

Чтобы стать счастливым,
ты должен забыть
свои глупые ошибки
и нелепые промахи.

Чтобы стать счастливым,
ты должен забыть
любимую женщину,
оставившую тебя.

Чтобы стать счастливым,
ты должен забыть
предательство
лучшего друга.

Чтобы стать счастливым,
ты должен забыть
ушедшего навсегда
близкого родного человека.

Чтобы стать счастливым,
ты должен забыть
свои несбывшиеся сны.

А если ты ничего не забыл,
сможешь ли
стать счастливым?

一日はもう終わろうとしている
でも私はまだ
詩を書き上げるのに間に合わなかった。

春夏秋冬はもう去ろうとしている
でも私はまだ
春と秋の美しさの歌を
歌い上げるのに間に合わなかった。

私達はもう別れようとしている。
でも私はまだ
あなたに愛の歌を
歌い上げるのに間に合わなかった。

時は駆け足で去っていかようとしている。
一生はもう過ぎ去っている。
どう私はこの世界に歌を
歌い上げるのに間に合うか？

День уже заканчивается,
а я не успел
написать ему стихотворенье.

Времена года проходят,
а я не успел
спеть песню
их красоте.

Мы уже расстаёмся,
а я ещё не успел
спеть тебе
песню любви.

Время стремительно убегает,
жизнь уже проходит.
Как мне успеть спеть песню
этому миру?

夜明け前に
突然の声は何ですか？
夜の鳥は
早朝の鳥へ
深夜の秘密を伝えている。

Что это за внезапный крик
перед рассветом?
Это ночная птица
утренней птице
тайны глубокой ночи передаёт.

生涯を通じて
咲きたかった、
でも秋にだけ
変な花のように
突然咲いてしまった。

Всю жизнь
хотел расцвести,
но только осенью
странным цветком
вдруг расцвёл.

もし春が過ぎ去ったら。
秋に咲く変な花になりたい。

Если весна уже прошла,
хочу стать
странным цветком,
расцветающим осенью.

ほかの花はみな
遠い春に咲いた。
でもこの変な花は
紅葉と会うために
秋を待っていた。

Другие цветы
далёкой весной расцвели.
Только этот странный цветок,
чтобы встретиться
с багровыми листьями,
осени дождался.

私の冬の夢は
雪と一緒にとけた。
私の春の愛は
桜と一緒に咲いた。
私の夏の心は
鳥と一緒に歌った。
私の秋の涙は
秋の雨と一緒にこぼれた。。。

冬の夢から
秋の涙まで
生活の川は
ゆっくり流れてゆく。

Мои зимние мечты
вместе со снегом расстаяли.
Моя весенняя любовь
вместе с сакурой расцвела.
Моё летнее сердце
вместе с птицами запело.
Мои осенние слёзы
вместе с осенним дождём
пролились.

От зимних грёз
до осенних слёз
медленно течёт
река жизни.

たとえ君の前にたくさん時間があるとしても、
つまらないことのために
時を無駄使いするのは
残念です。

たとえ残された時間が
ほんの少しでも、
急がないで美しい花を
見て楽しんでください！

Перед тобой – вечность.
Жаль тратить время
на никчемные мелочи.

Жить осталось – мгновенье.
Не торопясь любуйся
прекрасным цветком.

再び生まれたならば、
涙が乾いてしまうまで
待たない方がいい。

Если родился заново,
не жди,
пока высохнут слёзы.

今夜の空は
夕日のどんな冗談のせいで
赤面した？

Из-за какой шутки
вечернего солнца
небо вдруг покраснело?

悲しい熊の歌

Песни печального медведя

冷蛇のように
憂鬱は喉を圧迫している。
重さは心にある。

最後に長く夕焼けを
見ている。

Холодной змеёй
тоска сдавливает горло.
Тяжесть на сердце.

В последний раз
долго смотрю
на багровый закат.

亀は失敗と喪失の思い出から
甲羅を閉じることが
できるか？

蝸牛は心の痛みから
殻に隠れることが
できるか？

Разве может черепаха
закрыться панцирем
от воспоминаний
о поражениях и потерях?

Разве может улитка
спрятаться в свой домик
от сердечной боли?

私の一生は
通り過ぎてしまったの
かも知れない。

この夕焼けが
私の残念賞だ。

Моя жизнь,
вероятно,
уже прошла.

А этот алый закат –
мой утешительный приз

これは
私の詩なのか、
寒い深夜
独身の狼の吠え声なのか？

Это –
МОИ СТИХИ ИЛИ
ВОЙ ОДИНОКОГО ВОЛКА
ХОЛОДНОЙ НОЧЬЮ?

泣くにも叫ぶにも
私には痛みが足りない。

何か新しい事を始めるのに
私には力が足りない。

心臓は止まっている
生き残るために
何が足りないんだろう？

Мне не хватает боли,
Чтоб плакать и кричать.

Мне не хватает воли,
Чтоб заново начать.

И сердце замирает,
и не могу решить,
чего мне не хватает,
чтобы остаться жить.

私の後ろには
実行しなかった
山のような計画だけ。

私の足の下には
破れた夢の破片だけ。

私の腕の中には
破裂した風船の残りだけ

Позади меня –
лишь горы
неосуществлённых планов.

У меня под ногами –
лишь осколки разбитых мечтаний.

В моих руках –
лишь лопнувший воздушный шарик.

私の手帳の中には
答えない電話の番号と
空っぽの家の住所だけがある。

私の心は
空っぽの郵便受けのように
しばらく愛のメッセージを
受け取っていない。

В моей записной книжке –
номера неотвечающих телефонов
и адреса пустых домов.

Моё сердце, –
как пустой почтовый ящик,
уже давно не получает
посланий любви.

私の回りの世界は
砂漠みたいだ。
誰にも愛の歌を歌わない。

黒い夜は
月がない。
何に対しても吠えない。

Мир вокруг меня –
похожен пустыне.
Не для кого спеть песню любви.

Чёрной ночью
даже месяца нет.
Не на что выть.

Японские рассказы

ИЗ ЯПОНИИ С ЛЮБОВЬЮ

1.

– Да не волнуйтесь вы так, – сказала девушка в аптеке. – Ребёночек родился? Это иногда бывает. Сейчас подберём для него всё необходимое.

Меня била нервная дрожь. Всё было не совсем так, как думала эта девушка.

Дело в том, что сегодня утром я обнаружил у себя под дверью орущего японского младенца.

Как он туда попал?

Я не сразу вспомнил Токико, девушку, жившую по соседству и переехавшую куда-то полгода назад. Токико была прелестной миниатюрной японкой, вела довольно рассеянный образ жизни и однажды проснулась в моей постели.

Был ли я отцом ребёнка? Не знаю. Может быть, и нет. Но это уже не имело значения: японская малышка, красивая и белая, как снег, оказалась у меня на руках.

Я сразу назвал её Юки – «снег» по-японски. (Вообще-то, в России после демобилизации из армии я пошёл на факультет японского языка и в «той» российской жизни работал переводчиком с японского).

У меня даже в мыслях не было бежать в полицию и отдавать кому-то эту милую девчушку. Я сразу же признал её своим ребёнком.

Но что же с ней делать? Не раздумывая, я позвонил в соседнюю квартиру. Там жила Елена Сергеевна – женщина средних лет, русская интеллигентка, неизвестно какими путями попавшая в Израиль. Она была худенькая, почти прозрачная, но с твёрдым волевым взглядом и властным голосом.

Елена Сергеевна не растерялась и не удивилась. Она спокойно взяла ребёнка на руки и послала меня в аптеку «купить всё необходимое».

– Не забудьте купить детское питание для новорожденного, бутылочку с соской и подгузники, – просто и обыденно сказала она. – Деньги-то у вас есть?

*

Моя подружка, услышав, что я неожиданно обзавёлся японской дочкой, закричала:

– Связался с какой-то японской... – и сразу же исчезла из моей жизни навсегда.

А я, чудом пробившись сквозь пласты и торосы израильской бюрократии, официально удочерил Юки. Елена Сергеевна, будучи человеком незанятым, помогала мне растить девочку. Я

много работал, а когда возвращался домой, всё время проводил с ребёнком. Елена Сергеевна постепенно стала членом моей семьи. А другой семьи у меня к тому времени, увы, уже не было. Так мы и жили.

*

– Ребёнку нужна мать. Жениться вам надо, Саша, – сказала как-то Елена Сергеевна. – Девочке-то уже три годика исполнилось.

Разумеется, она была права. Я понимал это и искал подходящую женщину. Но женщины, узнавая про Юки, немедленно испарялись: никому не хотелось растить японскую девчушку в Израиле.

Наконец, я пришёл к выводу, что мать Юки должна быть японкой.

Подходящих японок в Иерусалиме не было. Были какие-то японские студентки в университете, помешанные на сексе и мечтающие о богатом американском женихе, были японки – чьи-то жёны... Всё это не годилось. Подходящую японку надо было искать в Японии.

Я нашёл в интернете японские сайты и чаты знакомств и начал поиски.

Разумеется, про девочку я никому не рассказывал. Описывал, в основном, какой я лихой парень.

Долго не удавалось найти ничего стоящего, пока однажды не появилась Эмико...

2.

Ичирую Такеда не работал в министерстве сельского хозяйства, как думали его соседи. В течение десяти последних лет он возглавлял оперативный отдел японской разведки.

Да и Хироко Моримото не служила в рекламной фирме, как думала её мама. Она была отлично подготовленным агентом японской разведки, выполнявшим самые ответственные и опасные поручения.

Для одного из таких поручений её и вызвали сегодня в Главный офис.

Войдя в кабинет полковника, девушка поклонилась:

– Ситсурей итасимас.

– О-о, хисасибури, – отозвался полковник. – Генки кай?

Только сейчас он оторвался от каких-то бумаг на столе и поднял взгляд на девушку.

Каждый раз, глядя на её хрупкую изящную фигурку, он вспоминал свою жену Юми, давно погибшую во время того ужасного землетрясения в Кобе.

– Хироко-чан, – он всегда обращался к ней ласково, по-домашнему, – сегодня ночью ты вылетаешь в Израиль.

Девушка не могла скрыть волнения. Такеда знал, что несколько лет назад у неё был бурный и несчастный роман с израильтянином, жившим в Японии. Всё закончилось, увы, банально: израильтянин неожиданно вернулся в Израиль, оставив Хироко страдать. До сих пор сердечная рана кровоточила, и иногда девушка плакала по ночам.

– Через неделю в Израиль приезжает группа китайских физиков. Среди них будет вот этот человек, – полковник протянул Хироко фотографию. – Он – не физик и даже не китаец. Это северокорейский шпион и убийца. Он везёт палестинцам договор об атомной бомбе. Но это нас не касается. У нас с ним свои счёты. Он доставил нам большие неприятности в Сеуле в прошлом году.

Хироко знала, о чём идёт речь: год назад в Сеуле погибло несколько японских агентов.

– В Китае, а тем более в Корее достать его мы не можем. Придётся сделать это в Израиле. Ты уничтожишь его и вернёшься. Операция займёт неделю.

Полковник вдруг улыбнулся:

– Поедешь под необычным прикрытием, – он нажал кнопку селектора, –Танака-кун, войдите!

Почти сразу в кабинет вошёл очень молодой офицер. Произнося обычные приветствия, он почему-то покраснел, взглянув на Хироко.

– Докладывайте, лейтенант! – приказал Такеда.

– Полгода назад, – откашлявшись, начал Танака, – в одном из японских чатов знакомств в интернете появился израильтянин, в

совершенстве владеющий японским языком. Он очень активно пытался познакомиться с какой-нибудь молодой японкой. По приказу командира я вступил с ним в переписку под именем Эмико.

Он быстро посмотрел на Хироко и снова залился краской.

– Вот здесь наша переписка и фотография этого субъекта, – офицер с поклоном протянул полковнику папку с бумагами.

– Вы можете идти, лейтенант.

Когда за Танака закрылась дверь, полковник Такеда вынул из папки фотографию и, улыбаясь, протянул её девушке:

– Вот этот парень. Ты едешь к нему, Эмико-чан, и вылетаешь сегодня ночью. Он встретит тебя в тель-авивском аэропорту. Он не знает, как ты выглядишь, и никогда не слышал твоего голоса. Судя по его последним письмам, он заочно без памяти в тебя влюблён и очень тебя ждёт.

Хироко, не отрываясь, смотрела на фотографию.

– Разумеется, после завершения операции его нужно будет уничтожить.

Полковник кивнул – инструктаж был закончен. Поклонившись, Хироко вышла из кабинета.

*

Алекс попал в поле зрения японской разведки, когда в одном из японских чатов похвастался, что служил в Чечне снайпером.

Сначала его хотели завербовать. Но события развивались стремительно, времени не оставалось, и решено было просто использовать его в предстоящей операции «слепым агентом».

3.

Сегодня на утренней пятиминутке в одном из отделов израильской контрразведки присутствовал никому не знакомый посетитель, парень с азиатской внешностью.

– Это – наш друг из Мосада, Игаль, – представил его Нисим.

Все улыбнулись: у «друзей из Мосада» имён не было.

– Он нам сейчас расскажет что-то интересное. Пожалуйста, Игаль, начинайте.

Игаль заговорил на иврите с лёгким акцентом:

– Завтра в Израиль по приглашению хайфского Техниона приезжает группа китайских физиков. Среди них будет некий Ван-Ли. Нам стало известно от наших друзей, что Ван-Ли совсем не физик и даже не китаец. Это – агент северо-корейской разведки Пак Чен. Он везёт палестинцам договор о продаже северо-корейского оружия. Вероятно, речь идёт о ракетах среднего радиуса действия

или об атомной бомбе. Палестинцы готовы заплатить за атомную бомбу любые деньги, и деньги у них есть. Ну а в Северной Корее голод, и деньги им нужны позарез...

После недолгого молчания Нисим сказал:

– Организуем за этим Пак-Ченом тщательное наблюдение. Устранить его мы не можем, ведь он – «китайский физик», а у нас и без того хватает проблем с Китаем. А вот с его палестинскими «визави» мы вполне можем разобраться. Сейчас решим, кто этим займётся, и перейдём к следующим вопросам.

Нисим повернулся к Игалю.

– Вы хотите что-то добавить?

– Да, если можно. От наших друзей мы получили информацию, что за Пак-Ченом почему-то охотится японская разведка. Японцы уже дважды пытались его ликвидировать, но оба раза неудачно. Не исключено, что они попытаются сделать это в Израиле.

– Ну, это уж маловероятно. В любом случае, мы не станем его защищать, а тем более, не будем печалиться, если... с ним что-нибудь случится.

Когда за Игалем закрылась дверь, Нисим занялся распределением ролей в предстоящей операции.

4.

Самолёт приземлился в аэропорту Бен-Гурион. Широко без проблем прошла паспортный контроль и направилась к выходу. Задание казалось ей несложным. Вот только парень на фотографии ей понравился, и убивать его не хотелось.

*

Саша долго обдумывал, как лучше встретить Эмико и как познакомить её с девочкой.

Он поторопился, пригласив женщину, даже не взглянув на её фотографию.

Разумеется, его беспокоил вопрос, как она выглядит. Эмико, правда, написала ему, что она «хосой» (худенькая) и «кавайи» (милая),

но что за этим кроется? Почти все японки «хосой» и «кавай»... А вдруг она некрасивая? А вдруг она ему просто не понравится?

– Не волнуйтесь, Саша, – успокаивала Елена Сергеевна. – В крайнем случае, девушка погостит у нас немного и вернётся в Японию.

Было решено взять Юки в аэропорт встречать Эмико. «Всё решится сразу», – думал Саша, и Елена Сергеевна была с ним согласна.

Но как объяснить девочке, кто приезжает? Была ещё одна проблема: Юки практически не видела японских женщин и никогда с ними не общалась. Как она отреагирует на Эмико?

Елена Сергеевна, как всегда, действовала быстро и решительно:

– Приезжает очень хорошая тётя, – сказала она Юки. – Ты с папой поедешь её встречать. Если тётя тебе понравится, она будет твоей мамой.

Придя в себя после сказанного Еленой Сергеевной, Саша, как обычно, перевёл её слова девочке на японский. Он старался, чтобы Юки знала японский так же хорошо, как и русский, и всё объяснял девочке на двух языках.

*

Хироко была единственной японкой среди прилетевших, и Саша сразу же понял, что это – она. Сердце его радостно забилося от внезапного счастья: девушка оказалась необыкновенно красивой.

Юки сидела у него на руках, выглядывая из-за огромного букета цветов. Увидев Хироко, она сразу же поняла, что это и есть «хорошая тётя», прыгнула с папиных рук...

Хироко тоже мгновенно узнала Сашу. Увидев прелестную японскую девочку у него на руках, она застыла на месте в полном недоумении. Опытный тренированный агент, умеющий принимать мгновенные решения в невероятно сложных ситуациях, на этот раз она просто растерялась и не знала, что делать.

В следующий момент Юки уже бежала к ней с криком «окаасан! окаасан!» (мама! мама!).

Тогда не знающая, что делать Хироко-агент тут же превратилась в отлично знающую, что делать Хироко-женщину. Она подхватила на руки очаровательную девчушку и нежно прижала её к себе.

– Кавайи оннаноко... – шептала Хироко. – Милая девочка...

Что-то, незнакомое ей раньше, мешало говорить и комом стояло в горле.

Слёзы потекли по её щекам. Хироко плакала.

5.

Мы сидели вчетвером в маленьком итальянском кафе в Нахалат Шива.

Юки лакомилась мороженым, сидя на коленях у Эмико. Её лицо светилось счастьем. Эмико ласково похлопывала девочку, и что-то шептала ей на ухо.

Мы с Еленой Сергеевной как замороженные смотрели на них, не в силах отвести глаз. Со дня приезда Эмико прошло всего четыре

дня, но мы наслаждались семейной идиллией, как будто уже долгие годы жили вместе...

– Мама должна оставить тебя на часок, любимая, – сказала Эмико.

– На часок? – переспросила девочка. – А куда ты пойдёшь?

– Мне надо встретиться с подружкой. Я только встречусь с ней и сразу вернусь. Ты и соскучиться не успеешь.

Елена Сергеевна посмотрела в окно:

– Смотрите, Саша, сколько китайских рабочих набежало. Интересно, что им здесь нужно?

Я проследил за её взглядом: на улице около входа в кафе стояло несколько китайцев в рабочей одежде. В последнее время в Израиле стало действительно много китайских рабочих. Я перевёл слова Елены Сергеевны Эмико.

Эмико тоже посмотрела в окно и... вздрогнула. Она мгновенно изменилась, вся как-то подобралась. Взгляд её стал жёстким, лицо превратилось в каменную маску. Она неторопливо передала девочку Елене Сергеевне. Юки поняла – что-то случилось, – и вопросительно смотрела на маму.

– Скажи Елене Сергеевне, чтобы она немедленно увела Юки домой. – Эмико говорила ровным спокойным голосом.

– Что случилось? – спросил я.

– Это не китайцы. – Сказала Эмико. – Это – северо-корейские агенты. И они пришли за мной.

– О чём ты говоришь? Что происходит?!

– Здесь очень опасно. Пусть Елена Сергеевна быстро уведёт девочку.

Елена Сергеевна, напряжённо вслушивалась в японскую речь, вопросительно глядя то на меня, то на Эмико. Она поняла: случилось что-то серьёзное.

– Елена Сергеевна, Эмико сказала, что эти, за окном – корейские агенты. Она говорит, что они пришли за ней и оставаться здесь опасно. Пожалуйста, возьмите Юки и идите домой... Я что-то ничего не понимаю...

– А что тут понимать? – взорвалась Елена Сергеевна. – Твоя Эмико – японская шпионка, а эти корейцы пришли её убивать. Она тебя просто использовала для прикрытия! И нас всех подставила.

Елена Сергеевна зло посмотрела на японку:

– Девочку бы хоть пожалела.

– Что она говорит? – быстро спросила Эмико.

Я перевёл.

– Со-о да не, – сказала Эмико, – она всё говорит правильно.

– ???

Я не находил слов. Эмико – шпионка???

Елена Сергеевна подхватила на руки притихшую Юки:

– Будьте осторожны, Саша, и не верьте этой... А о девочке я позабочусь, не волнуйтесь. Я уж сумею её защитить.

Не глядя на японку, она вышла из кафе.

Когда они с Юки проходили мимо китайских рабочих (или корейских шпионов?), один из них незаметно последовал за женщиной с ребёнком...

*

– Эмико, объясни мне, что происходит?

– Я – не Эмико, Саша. Я – агент японской разведки. Меня зовут Хироко.

Она смотрела мне в глаза, и я понимал, что всё, что она говорит, – правда.

– Когда я получила задание, я не знала, что люблю тебя. Не знала, что есть Юки...

Она взяла меня за руки:

– Хонто-о ни кими о ай сите иру ва... – я действительно очень люблю тебя. Пожалуйста, поверь мне! Если мы выйдем отсюда живыми... я докажу тебе...

Хироко замолчала. Она с трудом сдерживала слёзы.

Я посмотрел на корейцев за окном. Все они, не отрываясь, смотрели на нас.

– Что ты должна сделать в Израиле? Зачем тебя прислали? Почему эти корейцы охотятся за тобой?

– Меня послали ликвидировать одного корейского агента, находящегося сейчас в Израиле. Он убил несколько наших людей, и я должна отомстить.

– А что он делает в Израиле?

– Он привёз палестинцам договор о корейской атомной бомбе.

Атомная бомба у палестинцев! Хироко права: его нужно немедленно уничтожить.

–Я помогу тебе, - сказал я. – До-о ситара ии но? Что нужно делать?

Хироко улыбнулась и сжала мои руки.

– Я не смогу отсюда выбраться, – она кивнула в сторону окна.
– А ты беги быстрее к Сионским Воротам. Там ждёт один из наших. Скажешь ему, что тебя послала Хироко. Он объяснит, что нужно сделать.

– Как я его узнаю?

– Он японец.

– А как ты?

– За меня не беспокойся. Корейцам до меня не добраться.

– Ай сите иру ё – я очень люблю тебя, – сказал я. – Держись, Хироко, миленькая, – гамбатте кудасай!

Я встал и быстро прошёл через кухню к заднему выходу.

6.

Елена Сергеевна неторопливо шла по направлению к дому, держа Юки за ручку и что-то ей рассказывая. Девочка внимательно слушала, иногда задавая вопросы.

За ними на небольшом расстоянии медленно шёл «китайский рабочий».

Агент Чон Хи получил простое задание: ликвидировать женщину и девочку, а затем, ускользнув от возможной слежки, встретиться в условленном месте с остальными членами группы. В правой руке Чон сжимал рукоятку спрятанного в рукаве кинжала.

Увидев впереди безлюдный переулок, Чон ускорил шаг, быстро догоняя свои жертвы. Наконец, за пару метров до цели, он приготовился к удару...

Вдруг женщина резко обернулась, и, быстро шагнув к Чону, нанесла ему молниеносный удар пальцами правой руки по горлу. Чон рухнул на месте, не успев ни вскрикнуть, ни взмахнуть руками... Это был излюбленный приём старшего инструктора спецшколы КГБ капитана Елены Сергеевны Беловой.

Она быстро обернулась к Юки, загоразивая собой падающего Чона, и улыбаясь, громко сказала:

– Пойдём быстрее, милая. У меня есть для тебя дома что-то вкусненькое.

У Ворот Циона никого не было. Только небольшая белая «тойота», стоящая на обочине. Я подошёл ближе: шофёр, молодой японец как-то странно откинулся на переднем сидении. Я открыл дверь машины. Парень был бледен, глаза его были закрыты, одежда испачкана кровью.

– Иките имаска? Ты живой? – спросил я.

Он открыл глаза, какое-то время смотрел на меня и вдруг улыбнулся:

– Алекс... – прошептал он.

Откуда он знает моё имя? Но на вопросы и раздумья времени не оставалось.

– Меня прислала Хироко, – быстро сказал я по-японски. – Она не сможет прийти. Всё, что надо сделать, сделаю я.

Парень долго смотрел на меня, потом прикрыл глаза и сказал:

– Часовня напротив Храма Гроба Господня... Второй этаж... Ровно в одиннадцать он выйдет из церкви...

Я посмотрел на часы. Было без десяти одиннадцать. Надо было спешить.

– А знаешь, – вдруг прошептал парень, открыв глаза и с какой-то усмешкой глядя на меня. – Ведь это я с тобой переписывался... Боку ва Эмико да – я – Эмико...

Он уронил голову набок и окончательно потерял сознание.

Всё перемешалось у меня в голове, но разобраться во всём этом сейчас уже не было времени.

Я бежал изо всех сил, чтобы успеть к одиннадцати.

Вот, наконец, и Храм, а напротив – старая, начинающая уже разваливаться часовня.

Я взлетел на второй этаж на одном дыхании.

Там ничего не оказалось!

«Да ведь их второй этаж – наш третий», – пронеслось в голове. Я быстро поднялся ещё на два пролёта: там, в бойнице лежала снайперская винтовка с оптическим прицелом.

Часы начали бить одиннадцать!

Я схватил винтовку, передёрнул затвор и навёл её на выход из церкви.

Руки немного дрожали – после такого-то бега, – но выбора не было, а промахнуться я не имел права. Сейчас главное – дыхание, ровное, глубокое дыхание...

Вдруг высокая дверь церкви открылась и из неё вышли пять совершенно одинаковых китайцев. Они были с одинаковыми лицами, одинаковыми короткими стрижками, все одеты в одинаковые серые костюмы и белые рубашки с галстуками...

Кто же из них корейский шпион?

Времени на раздумье не было. Если палестинцы получат атомную бомбу...

Нет, это надо предотвратить любой ценой! Перестрелять всех этих китайцев- корейцев к такой-то матери!!

Я вскинул винтовку.

Но вдруг к одному из китайцев подбежали два араба. Начались улыбки, рукопожатия, взаимные похлопывания по плечу...

8.

– Молодцы японцы! – Нисим был очень доволен. – Добрались-таки до этого Пака.

– А это не японцы, – отозвался лейтенант Габи.

– ???

– На винтовке – отпечатки пальцев нашего парня. Вот, посмотрите.

Габи протянул Нисиму какие-то бумаги. Отпечатки пальцев Алекса, как и всех, проходящих военную службу в Израиле, имелись в картотеке израильской контрразведки.

– Прикажете его арестовать? – спросил Габи.

– А за что же его арестовывать? За то, что он спас Израиль от атомной бомбы?

– Но он же агент японской разведки!

Нисим улыбнулся:

– За что вы так не любите Японию, лейтенант? Давайте сходим сегодня вечером в «Сакуру». Вы ели когда-нибудь суши? А с этим парнем мне бы хотелось познакомиться поближе.

*

– Мне бы хотелось познакомиться поближе с твоим мужем, Хироко-чан, – сказал полковник Такеда, хитро прищурившись. – Кстати, чем он намерен заниматься в Японии?

– Он собирается изучать японскую филологию в Токийском университете.

– Японскую филологию? Со-о ка... А как поживает ваша девочка? Кажется, её зовут Юки?

– У Юки всё в порядке, господин полковник. Она ждёт братика.

Такеда пристально посмотрел на Хироко, и в глазах его зажглись огоньки.

Как только за Хироко закрылась дверь, он быстро куда-то позвонил по телефону:

– Хироко временно выходит из игры. В Париж полетит Ямада.

Это был приказ. Через полчаса Ямада уже получал инструкции у него в кабинете.

9.

Когда Ичироу Такеда вернулся домой, Елена Сергеевна уже успела приготовить суки-яки, любимое блюдо полковника.

Она, разумеется, не стала настоящей японской женой канай, но она давала своему мужу то, что может дать только русская женщина.

И каждую ночь самурай Ичироу Такеда, посмеиваясь в усы, снова и снова шёл на штурм Порт-Артура...

ЯПОНКА НА МОСТУ

1.

В Мосад меня не приняли – так им и надо! Ещё пожалеют, да будет поздно: я не привык ходить кругами и не умею стоять с протянутой рукой.

Видите ли, я – прирождённый разведчик, гениальный шпион, непревзойдённый тайный агент. Я даже вам своего имени назвать

не могу – до такой степени я засекречен! Так что будем общаться инкогнито – я ведь тоже не знаю, как вас зовут.

Итак, я – шпион, в Мосад меня не приняли, на другую разведку я работать не могу – никогда не был предателем. Что же делать? Остаётся только работать самостоятельно, на свой страх и риск, создать некое «частное израильское шпионское агентство» (ЧИША) в своём лице и начать проводить операции против врагов Израиля – арабских террористов.

Немного поразмыслив, я пришёл к выводу, что центр арабского террора находится в Париже. Значит надо ехать в Париж.

Есть у меня ещё одна особенность, точнее, страстное увлечение: я очень люблю Японию и всё японское, и даже немного выучил японский язык. Не знаю, откуда это во мне и уже не помню, когда это началось.

2.

Каждое утро на стол начальника одного из отделов Мосада полковника N. ложилась сводка донесений о событиях за последние сутки. Сегодня доставивший её капитан немного задержался у стола полковника и, странно улыбаясь, протянул ему какую-то бумагу:

– Вот, почитайте. Это сообщение поступило полчаса назад электронной почтой.

Полковник прочёл: «Вылетаю в Париж сегодня ночью. Вероятно, потребуются ваша поддержка и прикрытие. ЧИША».

– Что это за ерунда? Кто это написал?

Капитан заглянул в папку:

– Этот парень обратился к нам по объявлению в газете о наборе кадров около полугода назад (кстати, сообщение пришло на адрес, опубликованный тогда в газете). На собеседовании выяснилось, что он нам не подходит, так как недавно ездил в Москву «к больной матери» (проверить это, разумеется, невозможно). Кроме того, он показался нам не совсем... здоровым. – Капитан покрутил пальцем у виска.

– Почему сложилось такое впечатление?

– Он был буквально помешан на Японии: учил японский, писал по-японски стихи, просился работать в Японию.

– Хмм... Не все, кто учит японский язык, ненормальные. Выясните, что он собирается делать в Париже, где он там остановится и что означает его дурацкая кличка.

Через час полковнику доложили, что Чиша заказал билет в Париж и номер в гостинице Mattle через турагентство D., и действительно вылетает сегодня ночью чартерным рейсом французской авиакомпания. Цель его поездки и смысл его странного псевдонима выяснить не удалось.

– Пусть кто-нибудь из наших там за ним присмотрит.

В своих решениях полковник нередко руководствовался интуицией.

– Извините, но он действительно немного не в себе... Может быть, он всё-таки обойдётся без нашей поддержки? У нас там не так уж много агентов, чтобы ещё и прикрывать любителей японской культуры...

– Докладывайте мне ежедневно о его деятельности в Париже.

Разговор был окончен.

Выяснилось, что отель Mattle располагается неподалёку от синагог и кошерных магазинов в районе улицы Монмартр, что там частенько останавливаются израильтяне, и что в настоящее время там случайно находится агент Мосада, с которым тут же была установлена связь.

3.

Когда я спустился к завтраку, на часах было восемь, и все столики были уже заняты. За столиком в дальнем углу сидела симпатичная девушка с короткой стрижкой, по виду – типичная израильтянка.

Увидев меня, она улыбнулась и помахала мне рукой. Я подошёл к её столику.

– Шалом! – сказала она. – Как приятно за границей встретить своего!

– Неужели я так похож на израильтянина?

– Гораздо больше, чем тебе бы хотелось. Между прочим, меня зовут Лора.

Мы вместе пили утренний кофе. Девушка была ко мне очень расположена и расточала улыбки, слишком нежные для первой встречи.

– Я впервые в Париже и совершенно не ориентируюсь, – сказала она. – Давай держаться вместе.

Я вежливо отказался: мне необходимо было осмотреться и обдумать свои дальнейшие действия.

Договорились встретиться вечером. Но у меня почему-то было предчувствие, что встреча не состоится.

4.

Целый день я бродил по Парижу. У меня не было плана действий, не было никаких конкретных идей, не было вообще никаких идей. Была просто внутренняя уверенность, что я нахожусь в правильном месте и занят правильным делом.

Охоту на террористов я решил начать завтра, а сегодня – осмотреться, привыкнуть к Парижу, просто отдохнуть и перезагрузиться, как говорят программисты.

К вечеру я оказался на одном из бесчисленных мостов Парижа. Уже начинало темнеть. В сгущающихся сумерках я увидел на мосту какую-то возню и быстро приблизился. Четверо низкорослых мужчин, по виду азиатов, напали на девушку. Она отчаянно отбивалась, но силы были неравные, и им удалось её схватить. Не медля ни секунды и не успев даже подумать и оценить ситуацию, я с громким криком бросился ей на помощь.

Мужчины тут же разбежались, а девушка упала.

Когда я над ней склонился, девушка уже пришла в себя и открыла глаза.

Она оказалась японкой!! Горячая волна захлестнула мне сердце: я тут же влюбился в эту девушку – у меня просто не было другого выхода.

Казалось, я ждал этого момента всю предыдущую жизнь.

– Ковагаранайде! Не бойся! Ватаси ва кими но юдзин да. Я – твой друг!

Девушка была неописуемо поражена моим японским. Казалось, она вот-вот вновь потеряет сознание, на этот раз от удивления.

– Симпай синайде. Не волнуйся. Таскете аге ё! Я помогу тебе!

– Аната ва даре? Кто ты? – улыбнувшись, спросила девушка.

Она мне улыбнулась!

5.

Маленький скверик позади Нотр-Дам де Пари облюбовали для встреч группы японских туристов. И сегодня все скамейки в сквере были заняты весёлыми, возбуждёнными японцами, обвешанными новейшими фотоаппаратами и оживлённо обсуждающими свежие парижские впечатления.

На одной из скамеек сидел престарелый японский турист с обязательной камерой «Никон» на груди, и разглядывая живописный Сан-Луи, о чём-то негромко разговаривал с хорошенькой юной японкой, наверное, его дочерью или внучкой. Однако разговор у них был необычный и не касался семейных тем.

– Если бы не израильтянин, корейцы тебя бы убили, Юмико-чан, – сказал пожилой японец. – Он ведь спас тебе жизнь. Надо бы его как-то за это отблагодарить. Подкинь-ка ему информацию о нашем арабском приятеле.

– Хай, – поклонилась японка.

Она, разумеется, поняла, что речь идёт о Джабаре – кровавом и неуловимом убийце, борце за свободу палестинского народа.

6.

Наконец-то мне пригодился мой японский! Да ещё как пригодился! Юмико сказала мне, что она журналистка и проводит в Париже тайное журналистское расследование. Но я и не подозревал, что она тоже интересуется арабскими террористами, пока не увидел на журнальном столике в её номере несколько листов бумаги, заполненных японскими иероглифами.

– Я вернусь через десять минут, – сказала Юмико и вышла. А я от нечего делать взял со столика и пробежал глазами один из этих листов...

– !!!

Теперь я знал всё, что мне было нужно: главного террориста звали Джабар, и его логово располагалось на Монмартре. Какая удача! Теперь оставалось лишь найти негодяя и уничтожить его. Хорошо бы конечно, известить об этом Мосад, разумеется, когда всё уже будет кончено.

Юмико вернулась, но я и не подумал говорить с ней о террористах – нам было просто не до них.

7.

Сколько времени я уже хожу вокруг утопающего в зелени двухэтажного особняка на Монмартре, сколько кругов вокруг него я уже сделал, сколько часов просидел на скамейках вокруг него, «читая газету»...

Я знал об этом особняке уже почти всё. Знал, что рано утром в один и тот же час к особняку подъезжает мерседес с тонированными стёклами, и из дома выходят сначала двое громил в новых дорогих костюмах и белых рубашках с галстуками, а потом появляется здоровенный жирный детина, небрежно одетый и небритый – Джабар собственной персоной – непобедимый и неуловимый говнюк, которого мне предстоит уничтожить...

Уничтожить. Но как это сделать? Чем больше я думал над этим, тем больше понимал, насколько трудна моя задача. Да и выполняли она?

У меня нет оружия, уже кончаются деньги... На что я рассчитываю? О чём я вообще думал, берясь за это дело?

Был и ещё один момент, который начинал меня беспокоить: я заметил за собой слежку. Та самая Лора из отеля, которая так упорно и навязчиво предлагала мне свою дружбу, постоянно меня преследовала, то есть, как говорится у шпионов, висела у меня на хвосте. Она появлялась то тут, то там, почти не прячась, почти открыто следя за мной, и оторваться от неё было не так-то просто... Поняла ли она мою цель? Знала ли, какого зверя я выслеживаю? Надеюсь, что нет.

Было очевидно, что Лора – шпионка, но на кого она работала: на арабов или на Мосад? А, может быть, на французскую контрразведку? В любом случае, от неё исходила опасность, и я постоянно ломал голову, как обмануть её и запутать. Надеюсь, что мне это в конце концов удалось. Надеюсь, потому что иначе...

8.

В Мосаде тоже не находили ответы на многие вопросы.

– Вы, кажется, говорили, что он – сумасшедший? А как же он тогда вышел на Джабара? – полковник говорил очень тихим голосом.

Капитан счёл за лучшее промолчать.

Действительно, было абсолютно необъяснимо, каким образом этот странный любитель японской культуры быстро разыскал опасного и хорошо законспирированного террориста. Но факт оставался фактом: загадочный Чиша каким-то образом нашёл Джабара.

Мосад сам узнал о существовании Джабара совсем недавно и пока не придумал, что с ним делать. Разумеется, ликвидировать террориста в Париже было слишком опасно и чревато международным скандалом. Не менее опасно было попытаться внедрить в банду Джабара своего агента...

9.

Я бродил по улочкам Монмартра, всё больше и больше понимая, что осуществить задуманное мне не удастся. Нет, я не боялся

смерти, я даже готов был погибнуть, как ещё пару сотен лет назад погибали самураи, когда видели тщетность своих стараний и невозможность справиться с поставленной задачей. Я был готов броситься на Джабара с ножом, топором, куском арматуры или кирпичом, и погибнуть под пулями его бандитов. Будь, что будет, но я не отступлюсь...

Вдруг пронзительный визг тормозов прервал мои героические мысли. Прямо передо мной остановился тот самый мерседес с тонированными стёклами, из него выскочили трое бандитов и бросились врассыпную, даже не закрыв двери машины. Я был так ошеломлён, что даже не успел подумать о возможной причине происходящего! Не теряя ни секунды, я нырнул в салон мерседеса, схватил с заднего сидения какой-то жёлтый портфель, достал из бардачка пистолет и перехваченную резинкой пачку долларов, выскочил из машины и пустился бежать изо всех сил в ближайший переулок.

Не успел я завернуть за угол, как сзади раздался сильнейший взрыв: судя по звуку мощного взрыва, мерседеса с тонированными стёклами больше не существовало...

Погони за мной не было, тем не менее, я долго плутал по парижским улочкам, пытаюсь обнаружить слежку.

А как бы я поступил, если бы знал, что мерседес должен взорваться? Не знаю.

Я вернулся в номер и прежде всего заглянул в жёлтый портфель. В нём оказались бумаги и какие-то диаграммы на арабском языке. Арабского я не знал, всё это надо было срочно передать в Мосад (то-есть, просто отнести в израильское посольство в Париже), но сначала, разумеется, нужно было покончить с Джабаром!

Я тщательно спрятал портфель и доллары и проверил пистолет: это был австрийский «глок», он был заряжен и выглядел вполне надёжно.

Пришло время действовать.

Чувствуя себя очень уверенно, я вышел из номера.

10.

Убедившись, что в номере никого нет, Лора бесшумно проскользнула внутрь.

Мгновенно отыскав «тщательно спрятанный» жёлтый портфель, она пробежала глазами документы и ахнула – в отличие от «частного шпиона» Лора в совершенстве владела арабским, и содержимое портфеля её потрясло...

11.

Прочитав сообщение от Лоры, капитан был потрясён ещё больше, он просто не поверил своим глазам и уже через минуту срывающимся от волнения голосом докладывал полковнику:

– Нашему Чише где-то удалось раздобыть подробную информацию о структуре организации Джабара во Франции и Бельгии!

А ещё через минуту в европейском отделе Мосада была объявлена общая тревога. Отдавались срочные приказы – надо было успеть навестить людей Джабара, пока они не разбежались и не попрятались, ведь наверняка о пропавшей папке стало уже известно.

Все очень спешили, однако полковник всё же нашёл пару секунд, чтобы выразительно посмотреть на капитана.

12.

И вот я опять рядом с особняком Джабара. Надо бы присесть куда-нибудь и не торопясь обдумать операцию. Я сажусь на ближайшую скамейку и начинаю думать, но ничего путного в голову не приходит. Если, например, я попытаюсь ворваться в особняк, то сумею, наверное, только что пристрелить сторожа у входа, а по лестнице мне уже не подняться: они просто расстреляют меня сверху из карабиновых.

Мои грустные размышления прервали неожиданно откуда-то появившиеся три гориллы Джабара: они близко подошли ко мне, направив на меня спрятанные в карманах пистолеты. Я оглянулся – позади скамейки стоял, ухмыляясь, ещё один.

– Пойдём, хабиби, – сказал самый толстый из них на иврите с сильным арабским акцентом, – босс хочет с тобой поговорить.

13.

На этот раз Лора не пользовалась кодами и секретными телефонными номерами, дело казалось ей настолько срочным, что она просто набрала номер капитана:

– Чиша захвачен, прошу разрешения действовать.

– Действовать не разрешаю, – сказал капитан и положил трубку.

14.

Я сидел посреди комнаты со связанными за спиной руками, а напротив меня Джабар развалился в кресле. С его лица не сходила злобная усмешка. На диване у стены сидели двое его подручных, похожие друг на друга, как два родные брата, на коленях у них лежали калашниковы.

Джабар говорил неторопливо:

– Разумеется, тебя давно уже могли пристрелить мои люди, но израильских агентов я люблю убивать сам – у меня есть для этого случая...

БАХ! БАХ! БАХ! Всё произошло мгновенно: оконное стекло взорвалось, и в комнату вихрем ворвалась Юмико, пистолеты в её руках не переставали стрелять, бандиты падали на пол один за другим, и у каждого во лбу появлялась маленькая аккуратная дырочка. Ещё двое с пистолетами в руках появились на лестнице, ведущей снизу из прихожей, и оба скатились назад, получив каждый по пуле в лоб.

Юмико прыгнула ко мне и одним движением освободила мне руки.

– Хаяку! Тоби оримасё-о! – быстро сказала она и потянула меня к окну. – Быстрее! Прыгаем!

Мне ещё ни разу не приходилось прыгать с такой высоты: второй этаж, высокие потолки, – но всё обошлось благополучно. Через минуту мы уже бежали вниз, к площади Пигаль, а ещё через три минуты уже входили в первый попавшийся публичный дом.

15.

– Кому это вы не разрешаете действовать? – спросил полковник, входя в кабинет.

Он услышал разговор капитана с Лорой.

– Нашего Чишу захватил Джабар, а я не дал Лоре разрешение на операцию по его освобождению.

– ???

– Нельзя рисковать нашими лучшими агентами ради какого-то авантюриста.

Полковник очень близко подошёл к капитану.

– Вы разве ещё не поняли, – тихо, но внятно сказал он, – что он и есть наш лучший агент? И мы освободим его любой ценой.

16.

Через пять минут машина скорой помощи, припаркованная на Елисейских Полях, неожиданно рванула с места, и, включив сирену, понеслась в сторону Монмартра, не обращая внимания на светофоры. Ещё несколько машин в разных концах Парижа внезапно изменили направление и скорость, и устремились туда же.

Лучшие агенты Мосада в Париже получили приказ, очень неприятный для Джабара, только вот Джабару было уже всё равно...

Первой туда ворвалась Лора, и уже через три минуты операция по освобождению Чиши была отменена. С первого взгляда поняв, что произошло, израильтянка быстро покинула дом, наполненный трупами и мгновенно растворилась в толпе прохожих на улице.

Получив её сообщение, полковник и капитан ошеломлённо уставились друг на друга. То, что произошло в особняке на Монмартре, было выше их понимания и не укладывалось в голове... Но случившееся было реальностью: чокнутый любитель японской культуры, к которому в Мосаде отнеслись с подозрением и насмешкой, собственноручно уничтожил банду профессиональных убийц и добыл важнейшую информацию для израильской разведки.

17.

В публичном доме Юмико чувствовала себя как ни в чём не бывало, спокойно и уверенно, и сразу заказала стриптиз (что

касается меня, то я никак не мог прийти в себя, да и в подобном заведении оказался впервые).

К нам выбежала молоденькая Жанет. Она очень мило и кокетливо разделась и начала пританцовывать, покачивая бёдрами. Может быть, в другой ситуации мне бы это показалось интересным. Но мы пришли сюда совсем не за этим: снаружи завывали полицейские сирены, раздавался рокот вертолёт, повисших над Монмартром. Израильский паспорт у меня в кармане недвусмысленно намекал на мою возможную причастность к случившемуся, и эта девушка просто на время гарантировала нам безопасность. Когда же и она стала как-то реагировать на всё громче доносившиеся извне тревожные звуки, Юмико недвусмысленно кивнула ей в сторону моих брюк. Девушка неожиданно покраснела:

– Это не входит в круг моих обязанностей, – сказала она. – Мне за это не платят.

– Ну что же, тогда я это сделаю сама, – сказала японка. – Бесплатно.

Она встала передо мной на колени, откинула волосы с лица и... я почти потерял сознание от всего происходящего и происшедшего, а в глазах Жанет появился профессиональный интерес...

Когда я, наконец, вышел на подгибающихся ногах из этого гостеприимного учреждения, ни у кого из встреченных на улице полицейских не возникло относительно нас подозрения, а остановленный нами таксист понимающе усмехнулся.

18.

В такси мы разговаривали по-японски.

– Куда мы едем? – спросила Юмико.

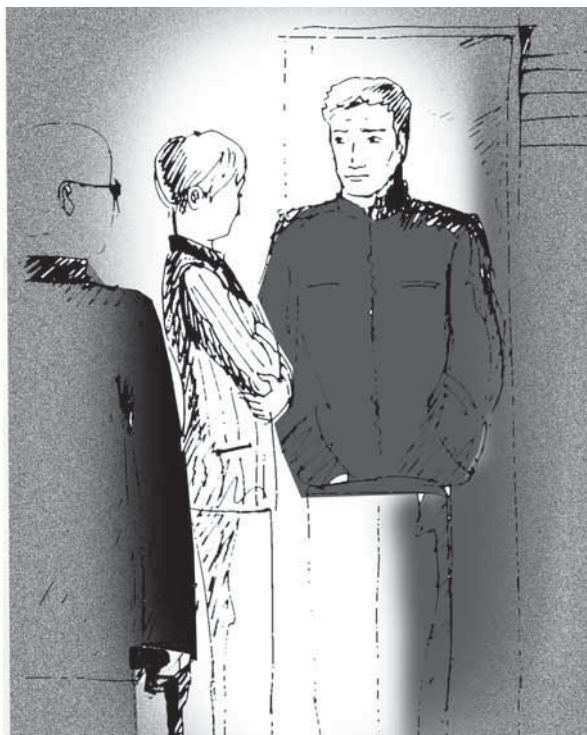
– В мою гостиницу, – ответил я.

– Нет, – сказала она.

– Да, – сказал я.

– Это слишком опасно. Там тебя ждут.

– Может быть. Но я спрятал в комнате очень важные документы, которые я должен передать своим. Кроме того, там все мои деньги.

– Глупый, там уже ничего нет. Всё уже взяли – или свои, или враги.

Туда нельзя возвращаться. Там тебя точно ждут.

– Я должен.

– Я не смогу тебя там прикрыть и не смогу спасти, если понадобится.

– Я должен вернуться.

– Бака! Бака! Дурак! – она неожиданно заплакала.

Я вдруг понял, насколько эта девушка мне дорога.

Я обнял её:

– Юмико, я люблю тебя, ай сите иру ё! Милая девочка, кавайи оннаноко, пожалуйста, не плачь, наканайде кудасай, я люблю тебя. Это последний раз. Я вернусь, и тогда уже мы никогда больше не расстанемся, я всегда буду с тобой, кими то исшо ни итсумаде мо имас!

19.

Я не удивился, увидев в своём номере посторонних людей, и не удивился направленным на меня пистолетам. Лора тоже была здесь. Жёлтый портфель лежал на столе.

– Мы тебя ждали, – сказал худощавый седоволосый израильтянин, вероятно, их командир.

Все, как по команде спрятали оружие. Я быстро подошёл к шкафу и проверил тайник: доллары были на месте!

Седой протянул мне пакет:

– Здесь билет на самолёт, деньги и документы. Твой самолёт вылетает через три часа. Лора тебя проводит.

– Я не лечу в Израиль, – сказал я, – у меня совершенно другие планы.

Седой пытался быть терпеливым:

– В Израиле тебе готовят хорошую встречу, кроме того, тебя ждёт правительственная награда и крупный денежный подарок. После небольшого отдыха начнёшь учиться в нашей школе.

Я покачал головой:

– Поймите, у меня изменились планы. У меня... появилась подруга.

Вспомнив о Юмико, я посмотрел на часы и понял, что у меня осталось ровно три минуты – столько же оставалось жить всем этим ребятам в моём номере, если я немедленно отсюда не выберусь. Я схватил заранее собранный чемодан и направился к двери.

– Извините, но я должен немедленно выйти, иначе...

– Мы не можем тебя так отпустить, – сказал седой, и какой-то парень преградил мне дорогу.

Вдруг Лора, вероятно о чём-то догадавшись по выражению моего лица, закричала:

– Не задерживай его! Дай ему выйти!

И я понял, что она была в особняке и видела работу Юмико: ей явно не хотелось получать пулю в лоб! И она была права – я просто не успел бы остановить японку, уж слишком быстро та работает...

Парень освободил мне дорогу.

20.

Огромный лайнер был заполнен японскими школьницами, возвращающимися с экскурсии по Парижу.

Юмико прижималась к моему плечу, а я чувствовал себя на вершине блаженства – рядом со мной была женщина моей мечты, хрупкая, нежная Юмико-чан, моя возлюбленная.

Самолёт взял курс на Токио.

ЯПОНКА ПОД ДОЖДЁМ

(иерусалимская сказка)

1.

Я учился тогда в Еврейском университете в Иерусалиме и был беззаботным легкомысленным парнем, каким были, наверное, и вы в этом возрасте.

Однажды, какая-то незнакомая девушка с азиатской внешностью заговорила со мной в лобби университета:

– Моя подруга просила передать вам это письмо. Она протянула мне конверт и тут же растворилась в толпе студентов.

Письмо было написано по-английски:

«Я очень люблю тебя, но, если ты отвергнешь мою любовь, я не смогу больше жить!»

Я вздрогнул, читая эти строки. Как будто горячая волна обожгла мне сердце.

В то время я был одинок, и как любой нормальный парень, мечтал влюбиться в какую-нибудь красивую необыкновенную девушку. В университете «красивые необыкновенные девушки» были повсюду, и иногда мне казалось, что я мог бы влюбиться во всех этих девушек сразу и в каждую по отдельности. Но это письмо всё изменило. За всю мою жизнь ещё никто не признавался мне в любви так искренне и страстно.

Кто же она? Я начал пристально рассматривать студенток-азиаток, но, разумеется, таким образом не смог догадаться, кто она. Я только надеялся, что она не окажется какой-нибудь... некрасивой...

*

Несколько дней спустя я случайно встретил в университете девушку, передавшую мне письмо.

– Ты не знаешь случайно, кто это? – показал я на неё своему приятелю.

– Какая-то японка, – ответил он. – Я как-то видел её на вечеринке японских студентов.

Я решил проследить за ней, чтобы найти её подругу, так сильно в меня влюблённую. Было уже часа четыре после полудня. Лекции и семинары заканчивались, студенты выходили из помещений университета и небольшими группами направлялись к автобусной остановке и к месту парковки машин. Мой «почтальон» тоже вышла из кампуса, но не последовала за остальными. Она миновала университетские ворота и направилась в сторону полуразрушенной арабской деревушки, расположенной неподалёку. Я пошёл было за ней, но успел лишь заметить, как она скрылась среди развалин

домов. Побежав следом, я уже нигде не мог её найти. Девушка бесследно исчезла.

Покидая после долгих поисков это заброшенное место, я встретил на тропинке старого араба.

– Здесь кто-нибудь живёт? – спросил я у него.

– Да нет, – ответил старик, – кроме нескольких лисиц здесь уже давно никто не живёт.

2.

Как-то, возвращаясь домой поздно вечером, я увидел у своего подъезда худенькую девичью фигурку.

«Это она», – подумал я, подойдя поближе и разглядев её.

Несмотря на холодный осенний дождь, девушка была без зонтика и даже без плаща. Её длинные мокрые волосы беспорядочно разметались на ветру, слёзы текли по лицу вместе с каплями дождя, а плечи вздрагивали от холода или от рыданий.

Не знаю, как вы, а я не каждый вечер нахожу у себя под дверью плачущих замёрзших японок.

– Заходите, пожалуйста, – сказал я, открывая дверь квартиры и пропуская её внутрь.

Я сразу же закутал её в одеяло, включил обогреватель и пошёл варить кофе.

Несколько раз я пытался заговорить с девушкой, обращался к ней с разными вопросами, но она не произнесла ни слова, и даже ни разу на меня не взглянула.

*

Когда я утром проснулся, девушка уже исчезла. Остался лишь лёгкий запах каких-то осенних цветов...

Девушка, пришедшая из сна,
в сон вернулась.

*

В этот день, как обычно, я пошёл в университет. Мой «почтальон» уже ждала меня в лобби. Она молча протянула мне новое письмо и, как и в прошлый раз, мгновенно исчезла. Я быстро вскрыл конверт и прочёл:

«Мой возлюбленный, я узнала, что ты провёл ночь с моей старшей сестрой. Я очень рассердилась на неё и была вне себя от ревности. Но она объяснила, что очень беспокоилась обо мне и боялась, что ты можешь меня обидеть. Она только хотела убедиться, что ты порядочный человек, и что мне ничего не угрожает. Прости нас, пожалуйста! Мы всего лишь две молодые глупые сестры, которые очень любят друг друга.

Подожди ещё немного. Время нашей встречи приближается».

В тот день я уже не мог учиться, да и думать не мог ни о чём, кроме событий последней ночи и этого странного письма.

В обед кто-то позвонил мне по телефону:

– Hello! Меня зовут Тануки. – Мужчина говорил по-английски с лёгким акцентом. – Мне надо поговорить с вами о чём-то очень важном для вас. Давайте встретимся сегодня вечером в «Сакуре».

«Сакура» – известный японский ресторан в центре Иерусалима.

Разумеется, я тут же согласился. Я не сомневался, что предстоящая встреча как-то связана с моими «японскими» приключениями. Мы договорились на семь.

3.

Мистер Тануки оказался японским джентльменом с узким, хитрым лицом и бегающими глазками. Он показался мне неприятной личностью, может быть, даже опасной.

Когда мы сели за столик и сделали заказ, он сказал:

– Я пришёл для того, чтобы дать вам отличный совет: немедленно забудьте эту девушку и больше с ней не встречайтесь!

– Кого вы имеете в виду? – спросил я.

Я действительно не понимал его. Говорил ли он о полюбившей меня девушке или о её старшей сестре? А может быть, он говорил о «почтальоне»?

Мой невинный вопрос вывел его из себя. Он перестал улыбаться и заговорил резко и зло:

– Вы всё отлично понимаете! Вы каждый день переписываетесь с ней, а вчера ночью она была у вас дома. Но вы не понимаете,

насколько это опасно. Она – не девушка, да и вообще не человек. Она – лиса – оборотень. Если вы влюбитесь в неё, вы пропали!

Я сразу вспомнил слова того старика: «Кроме нескольких лисиц здесь уже давно никто не живёт». Вот это да! Неожиданно я стал героем какой-то японской сказки. Может быть, мистер Тануки и говорил правду, но он смотрел на меня с такой злобой, что я чувствовал: он не может желать мне добра.

– Зачем вы мне это говорите? – спросил я.

– Я хочу спасти вас, – ответил он.

– Зачем вы хотите спасти меня, мистер Тануки? Я никогда вас раньше не видел и ещё сегодня утром даже не знал о вашем существовании. Почему вы хотите, чтобы я оставил эту девушку?

Мистер Тануки был в ярости, и было видно, что он с трудом владеет собой.

– Так вы не верите мне? Ну что же, скоро вы сами это увидите, да будет поздно!

Он резко встал и, не глядя на меня, быстро вышел из ресторана.

4.

Я приходил в себя после этой безобразной сцены, когда вдруг увидел мою ночную посетительницу – старшую сестру моей «возлюбленной по переписке». Девушка выглядела очень элегантно в длинном вечернем платье и показалась мне удивительно красивой. Приветливо улыбаясь, она помахала мне рукой и направилась к моему столику. Я поднялся ей навстречу, поражённый её красотой и изяществом. Продолжая улыбаться, она подошла ко мне и, ни на кого не обращая внимания, нежно меня поцеловала.

– Я люблю тебя! – просто сказала она.

– Но твоя сестра... – начал было я.

Девушка улыбнулась:

– Любимый, моя сестра – это и есть я. Мы обе любим тебя, и ты можешь любить нас одновременно!

Я почувствовал, что любовь к этой девушке переполняет моё сердце. Мне вдруг захотелось сжать её в объятиях, закружить в быстром танце и целовать, целовать без конца...

Она поняла, что я испытываю, и прошептала:

– Милый, мы здесь не одни...

Я огляделся вокруг и понемногу начал приходить в себя. Оказывается, мы были в японском ресторане! Посетители «Сакуры» перестали есть и разговаривать, и смотрели на нас во все глаза.

В этот момент официант принёс наш заказ. Я посмотрел на вкусно пахнущие, только что приготовленные японские блюда и вдруг вспомнил, что не ел со вчерашнего дня.

– Ты голодна? – спросил я девушку.

Она кивнула. Мы сели за столик и дружно набросились на отлично приготовленные мисо, сашими и сукияки, запивая всё это горячим сакэ из изящного кувшинчика, украшенного изображением сакуры.

– Почему ты вчера ночью со мной не разговаривала и даже на меня не смотрела?

– Я очень стеснялась... Ведь это была наша первая встреча... Но я не могла больше жить без тебя. Я была готова пойти на что угодно, только бы быть с тобой!

Говоря это, она заплакала и закрыла лицо салфеткой.

Я нежно поцеловал её:

– Пожалуйста, не плачь! Я с тобой... Я тоже очень люблю тебя и тоже не могу без тебя жить.

Девушка понемногу успокоилась.

Подали десерт. Мы пили японский чай с какими-то необычными японскими пирожными.

– Я знаю, что ты встречался с Тануки, – сказала девушка. – О чём вы с ним говорили?

В её голосе чувствовалась настороженность.

– Он советовал мне немедленно с тобой расстаться, – ответил я.
– Он очень неприятный человек, этот Тануки.

– А он – не человек, – сказала она. – Он – барсук-оборотень, злобное и коварное создание. «Тануки» по-японски – барсук.

Вот это да! Меня окружают одни оборотни! Ну и попался же я!

Но я не верил, что эта необыкновенно красивая девушка, которую я полюбил, – оборотень. На самом деле, мне было даже всё равно, девушка она или лиса. Кем бы она ни была, я не перестану любить её.

Но как она узнала, что я встречался здесь с Тануки?

– Откуда ты знаешь, что я с ним встречался? – спросил я.

– Я должна была прийти вместе с ним, но опоздала. Скажи, он не говорил тебе обо мне чего-нибудь... необычного?

В её вопросе снова зазвучала тревога.

Я решил не передавать ей слова Тануки о лисах.

– Нет, он ничего не успел мне сказать. Да я бы всё равно ему не поверил. Мы поссорились. А что он должен был о тебе рассказать?

Девушка вздохнула с облегчением.

– Он когда-то сделал мне предложение, а я отказала ему. С тех пор он всюду преследует меня...

*

По дороге домой мы беззаботно болтали о разных пустяках, часто смеялись и, наверное, вели себя довольно глупо, как и все влюблённые в таких случаях.

*

На следующее утро девушка проснулась в моей постели. Она выглядела счастливой. Я любовался её движениями, полными грации, её улыбкой, полной нежности...

Сон уже прошёл,

а ты осталась со мной.

Девушка, пришедшая из сна,

забыла в сон вернуться.

В этот день мы не пошли в университет: у нас были дела поважнее. Моя жизнь вдруг наполнилась любовью и непрерывным счастьем...

5.

Через несколько дней моя возлюбленная неожиданно исчезла. Я попытался было найти нашего «почтальона», но и она пропала. Я искал их повсюду в университете, спрашивал о них у японских студентов, но всё было тщетно: обе девушки бесследно исчезли, и никто не знал, где они.

В конце концов, я решил сходить в ту полуразрушенную арабскую деревню рядом с университетом. Я долго бродил там,

пока неожиданно не увидел двух лис, привязанных к старому масличному дереву. Они неподвижно лежали под деревом и выглядели крайне измождёнными. Возможно, они оставались здесь без еды и питья уже долгое время. Мне показалось, что они смотрят на меня глазами, полными слёз. Я быстро отвязал их и побежал в университет: купил там в ларьке какие-то сэндвичи и

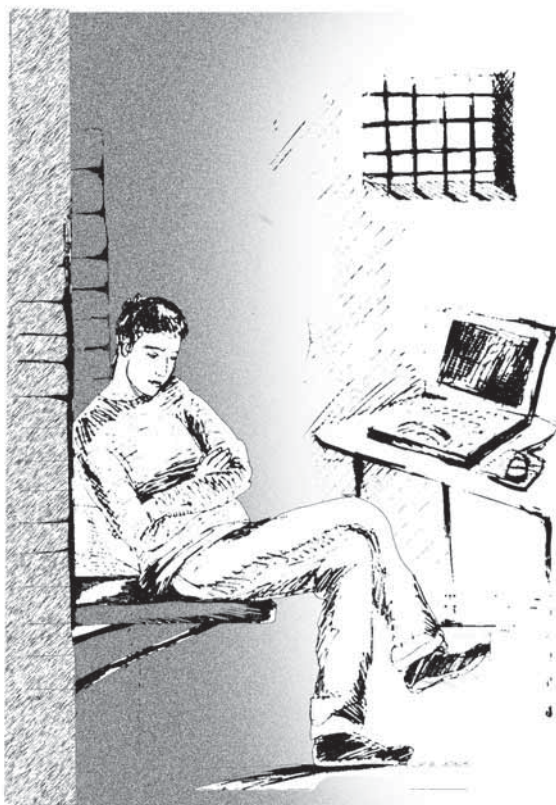
несколько бутылок воды, но когда вернулся, никого уже не нашёл. Лисы исчезли.

С тех пор прошло уже много времени, но я больше уже никогда не встречал ни моей возлюбленной, ни той девушки, что приносила мне письма. Я повсюду искал их, подолгу бродил среди развалин домов в той заброшенной арабской деревушке, но никого там больше не видел, кроме ящериц. Я обращался в дирекцию университета, в японское посольство, но всё было тщетно. Я так и не нашёл свою возлюбленную. Я понял, что она исчезла навсегда, и в конце концов прекратил поиски.

Некоторое время спустя я случайно прочитал в газете, что какие-то молодые натуралисты поймали в окрестностях университета барсука.

Это было удивительное событие, потому что барсуки почти не встречаются в Израиле. Ребята подарили барсука Иерусалимскому зоопарку.

Как-нибудь я навещу тебя, мистер Тануки! У меня есть к тебе несколько вопросов...

МЫ НАЙДЁМ ТЕБЯ, МИСТЕР ХАКЕР!

1.

Я оказался в тюрьме Маасиягу по собственной глупости.

В то время я подрабатывал в компьютерных фирмах free lance, изучал японский язык и страстно увлекался компьютерным хакерством. Я был, наверное, самым крутым хакером в Израиле. Чтобы доказать это себе и всему миру, я взломал сайты

Министерства обороны Японии и... довольно быстро оказался в Маасиягу: японское правительство требовало моей экстрадиции.

Почему-то мне не хотелось попадать в японскую тюрьму. Я слышал о жестоком обращении японцев с иностранными заключёнными и понимал, что знание японского не очень-то мне там поможет...

*

Однажды утром меня неожиданно вызвал к себе начальник тюрьмы. Самого начальника в офисе не было, а за его столом сидели два каких-то парня в штатском.

Парни приветливо улыбались.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – сказал один из них. – Мы – из контрразведки. Мы попали в затруднительное положение и хотим обратиться к вам за помощью.

– О чём, собственно, идёт речь? – спросил я.

Парни переглянулись и первый начал:

– Мы получили информацию, что японская террористическая организация «Красные бригады» готовит биологическую атаку на Израиль.

– А вы – единственный хакер в Израиле, владеющий японским языком, – добавил второй...

– Вы найдёте и взломаете их сайты, – сказал первый.

– А мы освободим вас из тюрьмы, – заключил второй. – Не выдадим вас японцам.

Вот это да!! Разумеется, я с радостью согласился.

– Но у меня к вам одна просьба, – сказал я.

Парни насторожились.

– Я буду работать на своём компьютере.

– Ну разумеется! – заверил первый.

– Не волнуйтесь! – поддержал второй.

– Просто на своём компьютере я приготовил для этих игр кое-какие примочки, – объяснил я.

Они понимающе закивали.

*

Я без труда нашёл и взломал сайты террористов и снова оказался на свободе.

2.

Когда меня посадили в тюрьму, все мои друзья сразу куда-то исчезли. Оказавшись на свободе, я позвонил было своей подруге, японской студентке, но она даже не стала со мной разговаривать.

– У нас в Японии в тюрьму сажают преступников, – сказала она и положила трубку.

В тюрьме я очень остро и болезненно переживал своё одиночество. Но на свободе я ничего такого не чувствовал, на свободе у меня был компьютер, а у рыскающих по интернету хакеров на грустные размышления просто не остаётся времени.

Выйдя на свободу, я снова вернулся к своему единственному верному другу, проводя в интернете все дни и ночи.

*

Неожиданный звонок в дверь прервал мою медитацию перед компьютером. Я пошёл открывать дверь, пытаюсь угадать, кто бы это мог быть. Не угадал.

На пороге стояла молодая красивая японка с дорожной сумкой на плече и с огромным чемоданом у ног.

Увидев меня, девушка приветливо улыбнулась и поклонилась:

– Конничи ва! Я – Сачико. Ты меня приглашал, и вот я приехала!

Ничего не понимая и ошеломлённо глядя на девушку, я всё же пробормотал:

– Ёку ирасшаймасита! – Добро пожаловать! Проходите, пожалуйста!

Я занёс её чемодан в квартиру, а она по дороге поцеловала меня в щёку, встав для этого на цыпочки. Вот это да! Откуда она взялась?

Как будто услышав мой вопрос, девушка сказала:

– Мы переписывались в интернете пару месяцев назад, и ты пригласил меня в Иерусалим погостить. Ну вот, я и приехала.

Наверное, так оно и было. Я переписывался с десятками девушек из всех городов Японии и каждой писал: «приезжай погостить в Иерусалим!». Это было проявление галантности, а совсем не приглашение. Разумеется, им и в голову не могло прийти приехать в гости к незнакомому парню, а эта взяла, да и приехала. Так мне и надо!

Впрочем, девушка оказалась очень милой, и я нисколько не жалел, что всё так получилось. Конечно, мы сразу же влюбились друг в друга.

Оказалось, что Сачико уже бывала в Израиле, и немного говорит и читает на иврите. У нас было много общего, и нам довольно быстро стало ясно, что мы, наверное, просто созданы друг для друга.

*

Она приехала всего на два месяца, которые, увы, промелькнули незаметно. До её отъезда оставалось всего несколько дней, когда мы поняли, что уже никогда не сможем расстаться. Мне не хотелось оставлять Израиль, но Сачико ни за что не смогла бы привыкнуть к здешней жизни, и мы начали готовиться к отъезду. Сачико легко убедила меня, что в Японии мне уже ничто не угрожает.

– У Министерства обороны Японии есть дела поважней, чем гоняться за глупыми хакерами! – авторитетно заявила она.

*

Билет для меня был куплен, вещи собраны, и вот уже следующей ночью мы должны были лететь в Японию – страну нашего будущего счастья...

3.

...а накануне вечером я, как обычно, сидел за компьютером, а Сачико листала израильские газеты. Вдруг зазвонил телефон. Я снял трубку.

– Моси-моси! – Сказал нежный девичий голосок и кокетливо продолжал: – Ичи-ман-кью-сен-хапьяку-рокудзю-хачи.

Услышав эти невинные японские числа, я похолодел от ужаса, ведь это был код сайта террористов, который я взломал! Они нашли меня и несомненно хотят мне отомстить.

Девушка на другом конце провода весело засмеялась:

– Конничи-ва, Мистер Хакер! Я жду тебя завтра в пять в лобби тель-авивского отеля «Дан-Панорама». Опаздывать не советую – это тебе не поможет, – и весело смеясь, она повесила трубку.

Не в силах побороть оцепенения, я продолжал прижимать трубку к уху, хотя в ней давно уже слышались только короткие гудки. Вероятно, я выглядел очень испуганным, потому что Сачико, встревоженно глядя на меня, спросила:

– Что случилось?

Я медленно положил трубку и сказал:

– Террористы нашли меня.

Она знала, о чём идёт речь, я, конечно же, рассказал ей о моём аресте и об условии моего освобождения.

– Завтра в пять я должен быть в «Дан-Панорама». Звонила какая-то девчонка, говорила по-японски... Наверное, её прислали убить меня. Прятаться от них бесполезно: если они нашли меня здесь, найдут и в другом месте...

Мы долго молча смотрели друг на друга, понимая, насколько это серьёзно.

Вдруг Сачико улыбнулась, взяла со стола газету, открыла её на нужной странице и торжествующе протянула мне. Я ничего не понимал: она показывала мне страницу с объявлениями о массажных кабинетах и публичных домах в Тель-Авиве.

– Что это значит? – спросил я. – Зачем ты показываешь мне эту пошлятину?

– А вот послушай! – сказала Сачико и быстро набрала один из напечатанных там номеров телефона. Подождя, пока ей ответят, она заговорила на английском, сильно кокетничая и ломаясь:

– Hello! Я только что прилетела из Японии и хотела бы у вас немного подработать.

– Да, я – японка.

– Мне 18.

– Давайте встретимся завтра и всё обсудим.

– Я остановилась в отеле «Дан-Панорама». Я жду вас в лобби отеля завтра в пять.

– Вы легко меня узнаете, я – японка.

– Да, разумеется. Завтра в номере я покажу вам свою работу, – и Сачико кокетливо засмеялась.

Когда она положила трубку, мы бросились друг другу в объятия. Надо же такое придумать!

Я без конца целовал её, шепча: Суго-ой!! – Здорово, молодец! Ай сите иру ё! – Я люблю тебя!

4.

Каё Шинода была очень красивой японской девушкой, а кроме того, она была наиболее эффективным киллером японской

террористической организации «Красные бригады». За бездушность и необычайную жестокость товарищи по оружию прозвали её кори но кокоро – «Ледяное сердце», и даже Босс побаивался милой хрупкой Каё-чан – холодной и беспощадной убийцы. Именно её прислали в Израиль разобраться с «Мистером Хакером».

Ровно в пять она сидела в удобном кожаном кресле в лобби шикарного тель-авивского отеля «Дан-Панорама», листая какой-то женский журнал и время от времени поглядывая на входную стеклянную дверь.

В пять пятнадцать в лобби отеля вошли двое смуглых, черноволосых парней, безвкусно и пёстро одетых, увешанных многочисленными золотыми побрякушками. Они курили и громко разговаривали, и явно выглядели инородным телом в роскошном

лобби дорогого отеля, однако охранники даже и не подумали задержать их, хотя тут же связались по «моторолле» со своим начальством.

Это были известные сутенёры, весьма авторитетные в криминальном мире Тель-Авива. Оглядевшись, они направились к японке. Девушка заметила их и, отложив газету, неторопливо встала им навстречу.

– Да ты просто милашка! – сказал первый, делая губы трубочкой и гнусно ей подмигивая. Он попытался ущепнуть её за щёку, но она ловко увернулась.

– Ты нам подходишь! – сказал второй с отвратительной мерзкой ухмылкой.

Сутенёры были очень довольны – такая красotka быстро заработает для них кучу денег, но самое главное, они предвкушали массу удовольствия у неё в номере в самом ближайшем будущем.

– Мы хотим проверить твоё умение и профессионализм, – сказал первый, снова отвратительно ей подмигивая. – Покажи нам, детка, на что ты способна.

– Мы должны окончательно убедиться, что ты нам подходишь, – добавил второй, гадко улыбаясь и причмокивая. – Давай, мотэк, поскорей поднимемся в номер...

Девушка неожиданно улыбнулась:

– Да, конечно! Давайте поднимемся в номер, я покажу вам, на что я способна.

И, радуясь каждый чему-то своему, они двинулись по направлению к лифту.

*

Через полчаса Каё со своего кейтай-денва коротко позвонила в Японию:

– Закончила и возвращаюсь, – только и сказала она.

До рейса на Токио у Каё оставалось ещё достаточно времени, чтобы посидеть в модном баре и полюбоваться тель-авивской набережной...

*

На следующий день в израильских газетах можно было прочесть:

«Вчера в номере тель-авивского отеля «Дан-Панорама» были жестоко убиты два известных владельца массажных кабинетов в Тель-Авиве. Возможно, это означает начало новой войны между гангстерскими группировками в городе».

5.

Во время полёта Сачико безмятежно улыбалась, а я немного беспокоился: было непонятно, как я устроюсь в Японии, где буду работать...

– Как ты думаешь, я смогу найти работу в Японии? – спросил я Сачико.

– Не беспокойся об этом. Ты будешь работать в той же фирме, что и я, – беспечно улыбаясь, ответила девушка.

– А где ты работаешь?

– О, это – тайна! – лукаво засмеялась Сачико. – Но тебе я могу её открыть.

Я работаю в Министерстве обороны Японии.

*

Каё Шинода летела тем же самолётом. Конечно, она сразу же обратила внимание на необычную пару: симпатичного израильтянина и стройную улыбчивую японку с красивым кукольным личиком. Молодые люди смотрели друг на друга с нескрываемой нежностью и часто чему-то весело смеялись.

Слушая их смех и видя их счастье, Каё вдруг почувствовала себя очень усталой.

ДЛЯ ТЕХ, КТО УЧИТ ЯПОНСКИЙ (Конничи-ва, О'Генри-сан!)

1.

В Израиле трудно найти японцев и почти невозможно отыскать говорящих по-японски израильтян. Поэтому у меня не оставалось другого выхода: чтобы быстрее выучить японский язык, мне пришлось начать переписываться с красивыми японками в интернете.

Девушки с энтузиазмом отвечали на мои послания, но когда узнавали, что я живу в Израиле, а не в Америке, тут же куда-то исчезали. В какой-то момент мне это надоело, и я начал писать, что меня зовут Джеральд, и что я живу на Гавайях. Теперь прекрасные японки не только никуда не исчезали, но и страстно желали тут же ко мне приехать, чтобы сразу же выйти за меня замуж.

Разумеется, мой японский был примитивным, и я делал много ошибок. Но «Джеральду с Гавайских островов» прощалось всё. Девушки терпеливо исправляли мои ошибки и учили меня красивому и правильному японскому языку. Они были очень снисходительны ко мне, ведь я принадлежал к «высшей расе богов» – американцам, и жил в раю – на Гавайских островах.

Тогда я по-настоящему возненавидел американцев, моих непобедимых соперников. Ведь Израиль никогда не станет для японок такой же вожделенной страной, как Америка, а иврит или русский язык никогда не станут для них такими же желанными, как английский.

Я писал японским красавицам пространные письма, посылал им свои фотографии, но наши отношения, разумеется, не могли развиваться без телефонных разговоров и встреч, на которых они так настаивали.

Моё полное фиаско было предreshено: никакая японка не согласилась бы променять Америку на Израиль и заполучить меня вместо настоящего американского ковбоя.

Однажды мне пришло очень грустное письмо от одной милой и застенчивой девушки. Она писала, что смертельно больна без какой-либо надежды на выздоровление. Перед смертью ей хотелось бы встретиться со мной и побывать на Гавайях, но у неё не было на это денег, ведь она была простой бедной девушкой из Камакура (небольшого городка, расположенного к югу от Токио).

Я подолгу разглядывал присланные ею фотографии и по многу раз перечитывал её искренние и безыскусные письма. Меня пленило в этой девушке сочетание хрупкого изящества и духовной тонкости. Я постоянно думал о ней, часто видел её во сне и, наконец, понял, что влюбился.

Возможно, ей недолго оставалось жить, но это не могло помешать нашему счастью. Жизнь коротка, любовь в ней – несчастный гость. Я

подумал, что, может быть, и в моей жизни такой шанс больше не повторится.

В конце концов, я решил заказать отель на Гавайях и послать девушке деньги на билет.

Честно говоря, у меня не было денег на эту авантюру, но я без колебания продал свою старенькую «Субару».

*

Но была одна действительно серьёзная проблема: при всём моём желании я не смог бы превратиться в американца!

Я так и не решился написать ей об этом.

2.

Юмико Сато была совсем маленькой, когда её мама умерла. Она воспитывалась бабушкой в деревушке неподалёку от Камакура. Юмико росла милой и доброй девочкой. Рано перенесённая трагедия сделала её чуткой к чужой боли. Отец Юмико был постоянно занят, почти всё время проводил в деловых поездках и редко виделся с дочерью. Он был бизнесменом, тяжело работал и в конце концов сказочно разбогател.

Когда Юмико исполнилось 18, она переехала в Токио, где отец жил со своей новой женой. Юмико мечтала поступить в университет, но её образования для этого не хватало, и она продолжила обучение у частных учителей.

Юмико была красивой и богатой. Многие парни стремились завоевать её нежное и романтичное сердце. После нескольких болезненных разочарований она стала осторожной и недоверчивой, предпочитая парней, которые не знали о её богатстве. Обычно, переписываясь в интернете, Юмико писала, что она – всего лишь простая и бедная девушка из Камакура.

Однажды Юмико получила необычное послание от парня, который называл себя «Джеральдом с Гавайских островов». Со временем этот корреспондент сильно заинтересовал Юмико своими глубокими и искренними письмами и очень понравился ей на присланной им фотографии. Юмико знала, что обычно для переписки в интернете придумывают вымышленные имена

и нередко фантазируют, рассказывая о себе. Она обратилась в частное сыскное агентство и довольно быстро выяснила, что парня зовут не Джеральд, что живёт он не на Гавайях, а в Израиле и что он совсем небогат.

Но Юмико уже успела привыкнуть к его умным письмам с блестящим юмором, к его красивому мужественному лицу на фотографии (которая оказалась настоящей) и чувствовала, что уже не может от него отказаться. Она поняла, что влюбилась!

Но что он за человек? Юмико решила это проверить.

3.

Я прилетел на Гавайи за несколько дней до приезда девушки, взял напрокат машину и снял бунгало на берегу океана. Жизнь на Гавайях оказалась довольно дорогой, и моих денег хватало всего лишь на пару недель.

Я постарался тщательно изучить окрестности, ведь я – «туземец» и должен хорошо ориентироваться на острове.

На Гавайях меня не покидало ощущение настоящего рая, как я его себе представлял. Величественный вид океана, пальмы, белый мелкий песок, весёлые загорелые туристы в разноцветных купальных костюмах, необыкновенные по краскам закаты и рассветы, всевозможные круглосуточно работающие бары, кафе и рестораны на любой вкус и кошелёк – всё это создавало ощущение непрерывного безоблачного счастья.

В день её приезда я купил букет красивых, нежных цветов и поехал в аэропорт. Я был очень взволнован и боялся возможных недоразумений. Вдруг я её не узнаю в толпе прилетевших японцев? Ведь с каждым самолётом прилетают толпы японских девушек, а я видел её только на фотографии. Возможно, в жизни она не такая красивая, как на снимке, и совсем мне не понравится. А может быть, это вообще не её фотография?

Но все мои опасения оказались напрасны: мы сразу же узнали друг друга, и Юмико оказалась настоящей красавицей. Она радостно улыбалась мне, и моё сердце таяло от счастья. Мы легко поцеловались, и я подарил ей цветы. Её лицо светилось любовью.

Мы говорили на японском. Разумеется, Юмико сразу же поняла, что никакой я не американец, но не подала виду.

Мы ехали в машине с откидным верхом по прекрасному шоссе, она выглядела абсолютно счастливой, а я... я чувствовал себя в раю!

– Спасибо тебе за всё. Я так рада! – сказала она с благодарной улыбкой и погладила мою руку.

*

Да, это был настоящий рай! Мы непрерывно наслаждались нашей любовью, забыв обо всём. Каждую ночь мы засыпали, переплетаясь в объятиях, и каждое утро я будил её нежными поцелуями.

Целыми днями мы качались на тёплых волнах океана, на закате – долго гуляли вдоль самой кромки волн, ночами – слушали музыку, танцевали или пили коктейли в барах и кафе на побережье. Мы радовались нашей любви как дети, глупо поверив, что ничто и никогда не помешает нашему счастью.

Но день расставанья всё-таки настал. Мы вместе плакали в наше последнее утро. Мне было невыразимо грустно. Я понимал, что больше мы не увидимся никогда. Мне хотелось поехать с любимой и до конца быть с ней рядом, помогая бороться с болезнью, но это было невозможно: у меня кончились деньги.

4.

Когда я вернулся домой в Израиль, то обнаружил, что все мои вещи украдены. Меня ждала пустая квартира. Разумеется, пропал и компьютер.

Но беда не приходит одна: в почтовом ящике я нашёл официальное письмо с работы, в котором сообщалось, что я уволен (за то, что ушёл в отпуск, не получив предварительного разрешения), и записку от хозяина квартиры с предупреждением, что если я не внесу квартплату за следующий месяц, я должен немедленно оставить квартиру.

Итак, у меня не было ни работы, ни квартиры, ни машины, ни каких-либо вещей, ни денег. У меня не оставалось ничего, кроме воспоминаний о моём счастье на Гаваях, казавшихся теперь фантастической сказкой.

Я обратился в полицию, чтобы заявить о краже моих вещей. Но полицейский, проверив мои документы, сказал:

– Вы арестованы. Вы подозреваетесь в ограблении банка три дня назад. Вы можете хранить молчание. Всё, что вы скажете, может быть использовано против вас.

– Но три дня назад я был на Гаваях! – закричал я.

Полицейский инспектор был невозмутим:

– Вы арестованы по подозрению в ограблении банка. Вы имеете право на один телефонный звонок: советую вам связаться с вашим адвокатом.

Но у меня не было ни адвоката, ни кого-то ещё, кто мог бы мне помочь.

Положение казалось безвыходным.

*

Меня посадили в камеру предварительного заключения в полицейском участке на Русском Подворье в центре Иерусалима. Ежедневно меня допрашивали по многу часов. Снова и снова следователи повторяли мне:

– У нас есть неопровержимые доказательства, что вы ограбили банк на прошлой неделе...

– На прошлой неделе я был на Гаваях, – снова и снова отвечал я.
– Проверьте мой билет на самолёт. Проверьте мой паспорт: в нём стоит печать

пограничного паспортного контроля в аэропорту.

– С вашим паспортом на Гаваях был кто-то другой. А вы в это время участвовали в ограблении банка...

И вопросы начинались снова.

Постепенно мне становились ясны их намеренья и было очевидно, что без хорошего адвоката я отправлюсь в тюрьму на долгие годы.

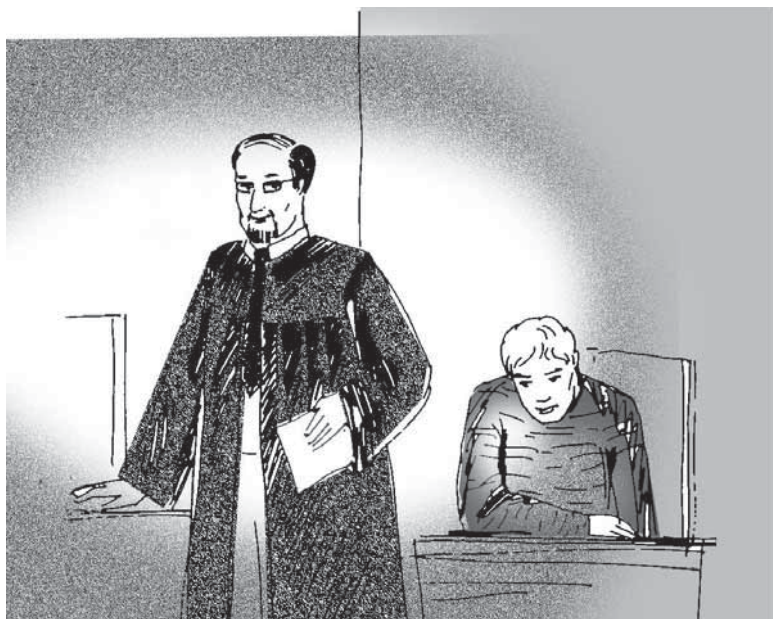
Только воспоминания о моей возлюбленной и о нашем двухнедельном счастье в раю помогали мне не сойти с ума. Я вспоминал её слёзы перед нашим расставанием.

«Бедняжка, – думал я. – Даже попав в тюрьму, я всё-таки продолжаю жить и когда-нибудь выйду на свободу, а она... она должна скоро умереть...»

5.

Слушание моего дела было назначено через три недели после ареста. Я был готов ко всему, и никакой надежды на избавление от этого кошмара у меня не было.

И вот, наконец, настал день суда. Я сидел на скамье подсудимых, а по обе стороны от меня – два полицейских конвоира.

Вдруг какой-то уважаемый джентльмен в судебной мантии ободряюще улыбнулся мне и приветливо помахал рукой.

– Кто это? – спросил я у одного из конвоиров.

– Как кто? – не понял тот. – Ведь это же твой адвокат – знаменитый Бени Рихтер. Самый известный и самый дорогой адвокат в Израиле. Не у многих хватит денег оплатить его услуги.

– Мой адвокат? Но я не нанимал никакого адвоката...

– Встать, суд идёт! – громко выкрикнул какой-то человек в форме.

Все встали, и суд начался.

*

Бени Рихтер был действительно замечательный адвокат и действительно защищал меня. В течение короткого времени он убедил судью и всех сидящих в зале, что я абсолютно невиновен. Меня освободили прямо из зала суда.

Я снова был на свободе! Это не я ограбил банк! Я не должен сидеть в тюрьме долгие годы! Ура!!!

Но выйдя из здания суда, я вдруг вспомнил, что идти-то мне некуда. У меня не было дома. У меня вообще ничего не было. Я совершенно не представлял себе, что же делать дальше.

Неожиданно, прямо передо мной остановился блестящий чёрный лимузин. Из него выскочил улыбающийся, с иголки одетый японец. Кланяясь и приветливо улыбаясь, он открыл заднюю дверь автомобиля:

– Садитесь, пожалуйста!

Не задумываясь о происходящем, без колебаний я сел в машину... и попал прямо в объятия моей возлюбленной!!

Улыбаясь, она сказала:

– Прости мою ложь, любимый, но я – не больная бедная девушка из Камакура...

– Ты тоже прости меня... – начал было я, но она закрыла мой рот горячим поцелуем.

– Я всё знаю, – сказала она, счастливо улыбаясь.

ЯПОНКА С ЗОНТИКОМ. (Неожиданная любовь в Париже).

1.

Пробило полночь. Под холодным осенним дождём я ждал уже целый час перед дворцом Mazarin, а связного всё не было. Вдруг из-за угла появилась молодая худенькая японка в жёлтом плаще и с красным зонтиком в руках. Она быстро подошла ко мне и спросила по-английски:

– Вы прибыли из Голландии? – это был пароль.

Она была моим связным! Японка – сотрудница Мосада? Вот это да! Где они её нашли?

Девушка задыхалась от быстрой ходьбы и была чем-то сильно встревожена.

– Я – Ёко, – сказала она. – За мной кто-то гонится. Нам нужно спешить!

Но было уже поздно: из-за угла прямо на нас выбежали трое арабов с пистолетами в руках. Не раздумывая, я прыгнул вперёд, сбив первого из них ударом ноги, а мой кулак уже летел в лицо второму. Что-то сверкнуло в руках Ёко, – и третий упал без моей помощи. Всё произошло мгновенно.

Мы долго бежали по парижским улицам, не замечая дождя. Вдруг девушка сказала: «Сюда!», и мы свернули в какой-то подъезд.

Её квартирка на первом этаже оказалась маленькой, но очень уютной. Выпив залпом по полстакана виски, мы перевели дух и молча смотрели друг на друга. Напряжение сегодняшнего вечера было слишком сильным, и нам обоим требовалась разрядка.

2.

В холодном утреннем тумане были видны лишь очертания каких-то зданий. Мы неторопливо прогуливаемся вдоль Сены с Жюлем Робером. Жюль Робер – руководитель нашей организации в Париже. Он – неприятный человек, но разведчик совсем не обязан быть милашкой.

– Вот адрес предателя и его фотографии, – сказал Жюль. – Когда закончишь, свяжись со мной, у меня будет к тебе ещё одна просьба.

*

Фальшивые накладные брови и усы полностью изменили моё лицо. Иногда приходится прибегать к таким детским карнавальным уловкам.

“Rue Vaugirar 6/2”. Я поднимаюсь на лифте на второй этаж и стучу в дверь с номером «2». Несколько секунд меня кто-то рассматривает

в глазок, и дверь открывается. Симпатичная молодая женщина смотрит на меня с приветливой улыбкой.

– Бонжур, мадам. Могу ли я видеть месье Жана?

– Он ещё не вернулся. Я жду его только через час. Вы хотите что-то ему передать?

– Нет, спасибо. Я зайду позже, – я тоже ей улыбаюсь.

Очень милая женщина. Хорошо, что не придётся её убивать.

Я спускаюсь на лифте и, открывая дверь, почти с ним сталкиваюсь. Да, это он, сомнений быть не может. Мы киваем друг другу, и, посторонясь, я уступаю ему дорогу. Заходя в лифт, он получает три пули. Последнюю – в голову.

3.

Я постоянно думаю о той девушке – моей связной – и чувствую, что мне необходимо с ней увидеться. Наверное, я влюбился. Кажется, на этот раз я действительно нашёл то, что мне нужно.

По дороге к ней я купил букет из алых и жёлтых тюльпанов (жёлтый плащ и красный зонтик!).

Вероятно, она ждала меня, потому что сразу же открыла дверь. Я обнял её и поцеловал, но вдруг почувствовал в её теле какое-то напряжение. Что-то мешало ей расслабиться в моих объятиях и отдаться чувству. Я продолжал её целовать, одновременно стараясь понять, что же с ней происходит. Она несомненно полюбила меня, но тогда почему?..

Могло быть только одно объяснение: девушка получила относительно меня какой-то приказ. Наверное, ей приказали меня убить! Такие вещи разведчик чувствует мгновенно. Я привык доверять своей интуиции и, может быть, поэтому пока ещё жив.

Я прошептал ей на ухо:

– Извини, дорогая, мне нужно... – и, мягко освободившись из её объятий, я шагнул в сторону ванной комнаты.

Вдруг я инстинктивно почувствовал опасность. Что-то угрожало мне в этот момент. Может быть, в её руке уже был пистолет? Я неожиданно прыгнул вправо – в открытую дверь кухни и... услышал сзади тихий хлопок бесшумного выстрела. Одним прыжком я подскочил к окну и, не задумываясь, выпрыгнул наружу. Перед тем, как завернуть за угол, я дважды услышал жужжание пули у себя над ухом.

4.

Несколько раз я пытался связаться с моим шефом в Тель-Авиве, но мой пароль всегда оказывался «неправильным» и доступ к нашему сайту был заблокирован. Я пытался звонить по «аварийным» телефонным номерам, но они не отвечали.

Моё положение становилось критическим. Кто-то меня «отключил».

*

Есть ли у вас ваши собственные секретные агенты? Если нет, вы – беспомощны и никогда ничего не добьётесь.

J.G., разумеется, не был моим «секретным агентом». Он был моим другом. Когда-то, много лет назад мы вместе пришли в Мосад,

долго вместе работали и не раз выручали друг друга. J.G. постоянно жил в Париже. Когда я бывал в Париже, мы всегда встречались в маленьком кафе напротив Moulin Rouge на Place Pigal.

Мой друг никогда не опаздывал, и когда я вошёл в кафе, он был уже там. Я коротко рассказал ему о своих проблемах. J.G. смотрел на меня грустно и озабоченно.

– Тебе грозит опасность. – Сказал он. – Не знаю почему, но Моссад объявил на тебя настоящую охоту. Мне очень жаль, но я тоже получил приказ тебя ликвидировать...

5.

Это означало, что я должен снова навестить мою опасную возлюбленную.

Ёко, конечно же, любила меня, но, получив приказ, была готова убить, не задумываясь. Ничто и никогда не может помешать японке выполнить приказ.

У подъезда её дома я увидел двух подозрительных арабов. Они неподвижно стояли, загораживая вход, и озирались по сторонам,

держа руки в карманах. Только этого ещё не хватало! Я завернул за угол, быстро поднялся по пожарной лестнице и заглянул в окно её квартиры.

То, что я увидел, было ужасно. Связанная Ёко сидела на стуле посреди комнаты спиной ко мне, а перед ней стояли трое арабов с пистолетами в руках. Вдруг один из них что-то сказал и остальные засмеялись. Он подошёл к Ёко, злобно улыбаясь, и неожиданно наотмашь ударил девушку по лицу.

Не раздумывая, я выхватил пистолет, ударом ноги разбил оконное стекло и прыгнул в комнату. Негодяи были убиты почти мгновенно.

Ёко удивлённо смотрела на меня. Я подошёл к ней и быстро освободил её руки.

– Зачем ты это сделал? – спросила она. Вместо ответа я нежно поцеловал её. Вдруг она прильнула ко мне всем телом и страстно ответила на мой поцелуй. Это был самый долгий и самый счастливый поцелуй в моей жизни. Мы никак не могли разомкнуть наши объятия и оторваться друг от друга.

Вдруг у одного из убитых террористов зазвонил сотовый телефон. Мы мгновенно пробудились от нашего волшебного наваждения. Остаться здесь было опасно. Вокруг были трупы убийц, ещё двое живых были внизу и могли появиться в любую секунду. Надо было немедленно бежать. Мы быстро выбрались на крышу по пожарной лестнице...

7.

Нам удалось незаметно пробраться в мою комнату в отеле. Одежда Ёко была в крови, на её руках и лице были синяки и порезы. Я тщательно обработал и перевязал раны девушки, дал ей кое-что из моей одежды переодеться и сварил для нас крепкий кофе с ромом.

Когда Ёко задремала на диване, я тихонько выбрался из отеля, и гуляя по парижским бульварам, неторопливо и обстоятельно обдумал своё положение.

Ситуация прояснилась. Жюль Робер – предатель. Он послал меня убить невинного Жана и доложил в Тель-Авив, что предатель – я.

Со всем этим пора было кончать. Я позвонил J.G.

– В три, – сказал он и повесил трубку.

Ровно в три часа я вошёл в наше маленькое кафе на Montmartre.

Я увидел там J.G., Ёко и... моего шефа из Тель-Авива. Они сидели за столиком, пили кофе и тихо разговаривали.

– Ты отлично справился с заданием, – сказал шеф. – Не волнуйся, мы всё знаем. Жюль Робер оказался предателем, и мы его уже взяли. Ты помог нам разоблачить его. Молодец! Ёко-чан объяснит тебе твоё следующее задание.

– Но по приказу Робера я убил невинного Жана... – начал я.

– Жан не был «невинным». Он тоже был предателем и работал вместе с Робером. Робер устранил его как опасного свидетеля, который слишком много знал. Ты всё сделал правильно и... спасибо тебе за Ёко.

Шеф встал из-за стола, попрощался со мной кивком головы и вышел вместе с J.G.

Ёко смотрела на меня влюблёнными глазами. Я чувствовал, что тоже очень люблю её.

В парижских кафе, как вы, наверное, знаете, разрешено целоваться.

ПРОЩАЙ, НИНДЗЯ!

1.

Меня разбудил среди ночи телефонный звонок. Я подумал, что это Элка, – моя подружка, с которой я жил. Она работала врачом и этой ночью дежурила в больнице. Но это была не Элка.

– Звонят из полиции.

Мужчина говорил по-русски.

– Извините, что беспокоим вас среди ночи, но у нас к вам срочная просьба.

– А вы случайно не ошиблись номером?

– Думаю, нет. Вы ведь Марек С., специалист по японскому языку?

– Да, это я.

От удивления я окончательно проснулся.

– Но зачем вам понадобился специалист по японскому в два часа ночи?

– Нам нужно срочно допросить японку. Дело в том, что час назад в центре города произошла перестрелка. Все убитые – японцы. Нам нужно срочно допросить раненую японку, единственную, оставшуюся в живых. Английского и иврита она не знает, дикарка какая-то. Пожалуйста, приезжайте скорее! Вас ждёт у подъезда наша патрульная машина.

– А где вы находитесь?

– Мы в больнице Адасса Эйн-Кэрэм. Девушка ранена, ей сейчас накладывают швы. Вы приедете?

– Да, разумеется. Как вы меня разыскали?

– Очень просто: по списку сотрудников кафедры японского языка на сайте Иерусалимского университета.

– Я там уже не работаю...

«Ночная перестрелка», «раненая японка» ... Внезапно я стал действующим лицом какого-то захватывающего триллера.

*

Говоривший со мной по телефону полицейский оказался высоким плечистым парнем с открытым лицом и приятной улыбкой.

– Павлик, – представился он, пожимая мне руку. – Спасибо, что приехали. Мы просто не представляем себе, что там произошло. Пять трупов, куча оружия и никакой информации. Зачем эти японцы приехали в Израиль? Чтобы здесь друг друга перестрелять?

Мы прошли в палату.

Девушка неподвижно лежала с закрытыми глазами, укрытая простынёй до подбородка. Она, конечно, была красоткой, как и

полагается в приличном триллере, только уж очень бледная. Рядом с её кроватью стояла девушка- полицейский.

– Она в порядке, – сказал Павлик. – С ней можно разговаривать. Почти не пострадала в перестрелке: так, несколько царапин.

– Как её зовут? – спросил я у Павлика.

Он достал из кармана какой-то документ:

– Её имя – Тошико Хаяши.

Услышав своё имя, девушка открыла глаза и испугано на нас посмотрела.

Я приветливо улыбнулся ей и тихо сказал:

– Хадзимемасите.

Глаза девушки расширились от удивления.

– Тошико-сан, одороканайде кудасай! Ватаси-тач ва юдзин да, – поторопился добавить я. – Не бойтесь, госпожа Тошико, мы – ваши друзья.

Девушка удивлённо смотрела на меня. В глазах её всё ещё был испуг:

– Аната ва даре? – Кто ты? – Спросила она.

Я снова заговорил по-японски:

– Я – переводчик с японского, а это – полиция. Мы хотим вам помочь. Расскажите, пожалуйста, что там произошло? – До-о симаситака?

Кто вы? Зачем вы приехали в Израиль?

Она всё ещё смотрела на меня с недоверием, но понемногу мне удалось её успокоить и разговорить.

Тошико была дочерью одного из главарей токийской якудзы. Внезапно в Токио вспыхнула жестокая война между гангстерскими группировками.

В такой войне никого не щадят, и почти все родственники девушки были убиты. Отец послал свою дочь, единственную оставшуюся в живых, в Израиль в сопровождении нескольких телохранителей в надежде, что здесь её не станут искать. Но посланные убийцы нашли её и здесь...

– Она – дочь оябуна, – сказал я Павлику.

– Уе... кого? Чья она дочь? – Павлик запнулся и покраснел.

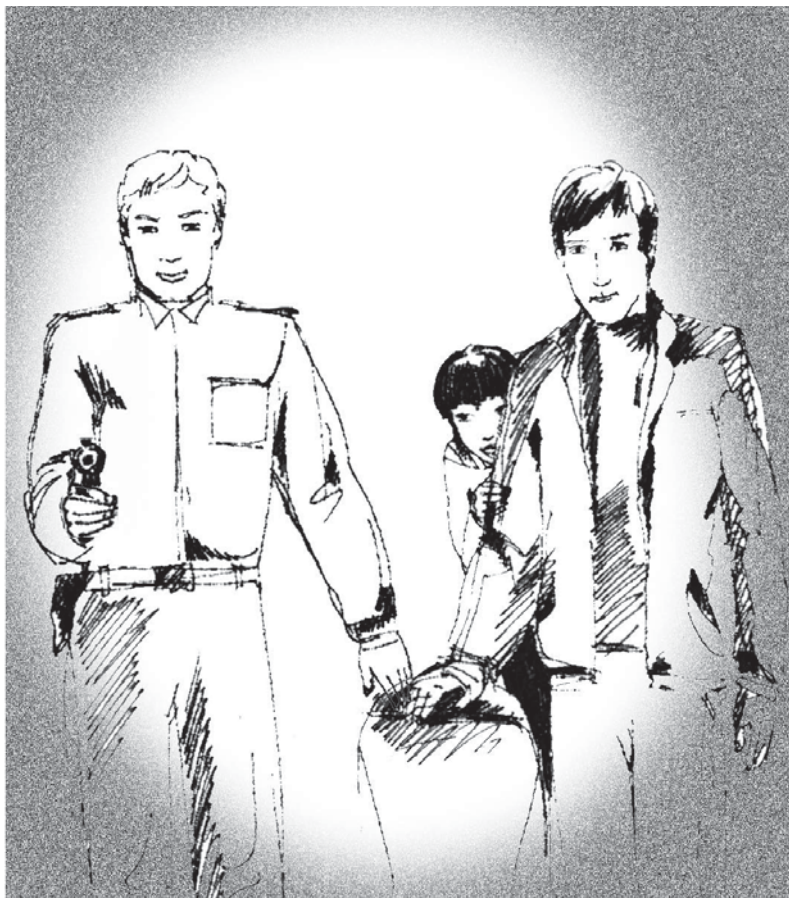
Я не смог сдержать улыбки:

– Оябун, – так называют в Японии главаря мафиозной группировки.

Я вкратце пересказал Павлику историю Тошико.

Неожиданно переговорное устройство Павлика затарахтело:

– Сержант, тут приехали из посольства Японии. Они хотят видеть нашу японку. Проводить их к вам?

– Да, конечно, – Павлик вздохнул с облегчением. Он не совсем понимал, как ему вести это дело и что делать с японкой, так что, помощь подоспела вовремя.

– За тобой приехали японцы из посольства, – перевёл я девушке, – они идут сюда.

Глаза её расширились от ужаса. Она откинула простыню и быстро встала с кровати. Оказалось, что девушка лежала под простыней совершенно одетой (я сразу вспомнил, что из-за частых землетрясений в Японии, чтобы не быть застигнутыми врасплох, многие японки ложатся спать в одежде). Её белая кофточка и джинсы были испачканы кровью, правое предплечье

перебинтовано. Девушка была хрупкой и изящной, как и полагается порядочной японке.

Она схватила меня за руку:

– Хасиро-о! Каре-ра ва коросия! – Бежим, это – убийцы!

– Что случилось? – спросил Павлик.

– Она говорит, что это пришли гангстеры её убивать...

– Успокойте её. Скажите, что ей ничто не угрожает, – произнося эту фразу, Павлик на всякий случай достал из кобуры пистолет и снял предохранитель. Девушка-полицейский сделала то же самое.

Увидев оружие, японка испугалась ещё больше. Она, как маленькая девочка, спряталась за меня, ухватившись за мой рукав. Разумеется, все мои попытки успокоить её были тщетны. Шаги в коридоре приближались...

*

Но это действительно оказались японцы из посольства: консул и его помощник. Они выглядели бледными и невыспавшимися, и уж никак не походили на гангстеров. Увидев направленные на них пистолеты, они ужасно испугались и хотели бежать, но Павлик тут же заулыбался и спрятал оружие. Его “don’t worry!” вместе с моими «синпай синайде кудасай!» постепенно их успокоили. Уже через пару минут они пришли в себя, и заулыбавшись, как ни в чём не бывало, заговорили с Павликом на английском.

Девушка, осторожно выглядывая из-за меня, обменялась с ними несколькими фразами по-японски и тоже понемногу успокоилась.

2.

Нас продержали в полиции до утра: тщательно допросили Тошико и запротоколировали свидетельские показания, несколько раз звонили в Министерство иностранных дел, проверяя какие-то сведения, долго беседовали с консулом, а потом Тошико позвонила своему отцу в Японию.

Девушка наотрез отказалась возвращаться в свою гостиницу или ехать с консулом в посольство: она была очень напугана. В конце концов, я предложил ей пожить у меня, пока её отец не пришлёт

за ней новых телохранителей. Тошико с радостью согласилась: она почему-то прониклась ко мне доверием.

Я повёз её домой, размышляя по дороге, как объяснить всё это Элке, и как Элка ко всему этому отнесётся.

Было уже полдевятого утра. Элка уже пришла с работы и, как обычно, легла спать после ночного дежурства. Я решил её разбудить, чтобы объяснить ситуацию и познакомить с японкой.

Когда мы с Тошико вошли в спальню, Элка сразу проснулась и села на кровати, прикрывая грудь простынёй (в отличие от японок, она любила спать голышом).

Элка, конечно, была очень удивлена. Она во все глаза рассматривала Тошико, а потом перевела взгляд на меня:

– Кого ты привёл? – резко спросила она. – Что всё это значит?

– Это не то, что ты думаешь, – примирительно сказал я, и представил девушек друг другу: – Элка, это – Тошико-сан. Тошико-сан, соно ката ва – Элка дэс.

В комнате наступила тишина. Проходила минута за минутой, а девушки, не отрываясь, молча смотрели друг на друга. В этой ситуации было что-то такое, что я вдруг почувствовал себя лишним.

Наконец, я заговорил:

– Элка, Тошико-сан ранена. За ней охотятся профессиональные убийцы. Я предложил ей пожить у нас несколько дней, пока её отец не прийдёт за ней кого-нибудь из Японии. Ей некуда деться: в Израиле у неё никого нет, в отель ей возвращаться опасно, в своё посольство она идти боится...

– А о нас ты подумал? – спросила Элка. – Если убийцы придут сюда, ты думаешь, они нас пощадят?

– Что ты предлагаешь? Выбросить её на улицу?

Элка протянула руку за халатом, висящим на спинке стула, её грудь на секунду открылась.

– Нечего пляться, – сказала она, покраснев и запахивая халатик.

Мы с Тошико переглянулись.

Элка встала и пошла в сторону ванной, а я последовал за ней:

– Элка, послушай, у меня сегодня утром важная встреча по поводу работы. Пожалуйста, помоги мне с этой японкой. Её нужно выкупать, переодеть и уложить спать.

– Ладно, иди. Как-нибудь разберёмся, – Элка снова обменялась с японкой взглядами, и на этот раз они улыбнулись друг другу.

Мне действительно нужно было спешить. Я поцеловал Элку, помахал Тошико и быстро вышел.

– Итте кимас! – сказал я, выходя. («Я пошёл!» – так обычно говорят японцы, выходя из дома).

– Итте расшай! – неожиданно прозвучало мне вслед («Иди и возвращайся!» – принятый у японцев ответ на предыдущую фразу).

*

Когда я вернулся, Элка и Тошико спали вдвоём в моей постели. Посмотрев, как они лежат, я понял, что девушки подружились.

Тут я вдруг вспомнил, что тоже не спал последнюю ночь, и размышляя о том, что где-то в мире, наверное, существуют большие, просторные кровати, решил прилечь на кушетке в салоне.

3.

Меня разбудил вкусный запах, доносящийся с кухни и шипение масла на сковородке. На часах было половина пятого. Элка, наверное, уже ушла на работу.

Я встал, быстро оделся и пошёл на запах.

На кухне хозяйничала Тошико. Не представляю, когда она успела столько наготовить! Кухонный стол был заставлен японскими блюдами: здесь были и пиалы с горками белого риса, и темпура – овощи, зажаренные в тесте, и особым способом приготовленная рыба в каком-то тёмном соусе. Всё было свежее и горячее!

И в дополнение к этому, конечно, Тошико – улыбающаяся, тщательно причёсанная, трогательная в огромном для неё элкином халате.

– Охайо-о! – сказала она с лёгким японским поклоном. – Исшо-о ни табемасё-о? – Доброе утро! Давай покушаем вместе.

Мне захотелось её поцеловать, но вдруг резко зазвонил телефон.

Это был Павлик:

– Марек, мне надо срочно с вами поговорить. Я в машине, прямо под вашими окнами. Это действительно очень важно. Спускайтесь как можно скорее!

В его голосе чувствовалось напряжение. Что там случилось? Ещё одна раненая японка?

– Да, конечно. Сейчас буду.

Я улыбнулся Тошико:

– Чотто матте! Подожди минутку! – и через несколько секунд уже спускался по лестнице.

Машина Павлика стояла немного в стороне от нашего подъезда. Когда я подошёл, Павлик приоткрыл дверцу изнутри. Я сел в машину.

– Конничи ва! – он победоносно улыбнулся, произнеся японская приветствие.

– Уже выучили японский? – улыбнулся я в ответ, пожимая ему руку. – Что там у вас опять случилось?

Павлик перестал улыбаться:

– Понимаете, мы расследовали эту перестрелку, и у нас получается какая-то ерунда, – задумчиво проговорил он. – По данным криминалистической экспертизы выходит, что именно эта наша японка всех их перестреляла.

Я несколько секунд переваривал услышанное.

– Тошико убила пятерых гангстеров?

В это действительно трудно было поверить: как могла эта худенькая испуганная девочка перестрелять пятерых профессиональных киллеров?

– Среди убитых мы обнаружили девушку, переодетую в мужчину. Похоже, что она-то и была дочерью этого уе... как там его?

– Оябуна.

– Ну да, дочерью оябуна, в сопровождении четырёх телохранителей. А наша Тошико – это как раз киллер, которого прислали с ней расправиться.

Я ещё раз представил себе Тошико. Нет, я не мог в это поверить. Всё это казалось невероятным, если только...

– Вы верите в ниндзя? – спросил Павлик.

Но ответить я не успел: прямо к моему подъезду подкатил чёрный джип Isuzu с затемнёнными стёклами. Из него выскочили два здоровенных японца и быстро вбежали в мой подъезд!

Мы с Павликом, не сговариваясь, выскочили из машины и со всех ног бросились вслед за ними. Павлик на ходу выхватил пистолет и передёрнул затвор.

Когда мы вбегали в подъезд, на лестничной клетке уже гремели выстрелы.

– Оставайся здесь, – сказал Павлик, и, взяв пистолет двумя руками, как в кино, стал бесшумно подниматься по лестнице.

Я, разумеется, не отставал от него ни на шаг.

Стрельба неожиданно прекратилась. В наступившей тишине было слышно, как соседи звонят в полицию.

Мы поднялись на второй этаж. Дверь моей квартиры была приоткрыта.

Павлик прыгнул внутрь, распахнув дверь ударом ноги. Я влетел следом.

Нашему взору предстало зрелище, надолго отбившее у меня любовь к японской кухне!

Убитые гангстеры лежали на полу в луже крови. А Тошико... Тошико в квартире не было.

Окно на кухне было распахнуто. Мы с Павликом быстро подошли к нему и выглянули наружу.

Как раз в этот момент мотор у Isuzu взревел, и он рванул с места, быстро набирая скорость.

Вдалеке послышалось завывание полицейских сирен.

4.

До Элкиного прихода я успел вымыть полы и всё убрать. Разумеется, я не рассказал ей про бойню у нас на кухне.

Узнав, что наша японка исчезла, Элка очень расстроилась.

– Элка, не грусти! – пытался я её успокоить. – Она ещё вернётся, вот увидишь.

– Ты ведь и сам в это не веришь, – сказала Элка и заплакала...

*

Как-то ночью, через несколько дней после случившегося, нас с Элкой разбудило распахнувшееся окно. Это не был порыв ветра – в комнате появился (возник из воздуха?) худенький силуэт нашей ниндзя.

– Я пришла попрощаться, – тихо сказала девушка по-японски.

Мы нежно поцеловались, и она тут же исчезла – как бы растаяла в воздухе...

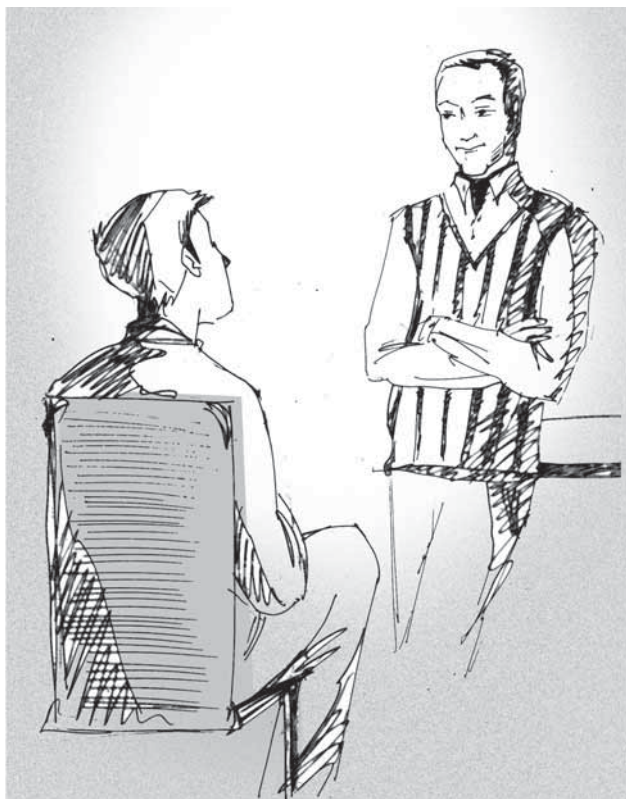
МОИ СТИХИ НЕ ВСЕ ПОНИМАЮТ

1.

Однажды проснувшись влюблённым в девушку с обложки журнала, я начал изучать японский язык и неожиданно для себя написал на японском книжку лирических стихов.

Итак, книжка написана, но что же с ней делать?

Немного поразмыслив, я обратился в «Отдел по культурным связям с Японией» израильского МИДа.

Светлоглазый и белозубый Шай Кельберт, израильский мидовец, «ответственный по связям», брезгливо повертев мою книжку в руках, сказал мне с участливой улыбкой:

– Надеюсь, вы согласитесь, что ваши стихи не относятся к израильской культуре.

– А к какой же культуре они относятся? – не понял я.

– Ну, к русской, наверное, ведь вы же приехали из России... Или к японской, ведь они написаны на японском...

Мне было как-то неловко спрашивать его, знает ли он японский и читал ли мои стихи.

– Нихонго га декимаска? – Вы знаете японский? – спросил я его по-японски.

– Бэ-тцура месуемет, – ответил он на иврите (то есть, «в определённой степени»). Это попросту означало, что японского он не знает и стихов моих не читал...

Ну, а японский атташе по культурным связям, улыбчивая Юми-сан проникновенно заверила меня, что мои стихи её потрясли и она читает их каждый вечер перед сном («неру мае ни»).

– Суго-ой дес не! – сказала она, округлив глаза (вот здорово!). – Но вы же понимаете, что ваши стихи – не японские и к японской культуре отношения не имеют. Вы же израильтянин, приехали из России... Обратитесь, пожалуйста, к Шай-сану, в отдел по культурным связям израильского МИДа...

Итак, круг замкнулся. Мне стало ясно, что мои стихи не относятся, по-видимому, ни к какой культуре вообще. Хорошо ещё, что кто-то их читает каждый вечер перед сном (ну уж не Юми-сан, разумеется).

2

Что же делать? Необходимо всё как следует обдумать. Для этих целей в Иерусалиме существует несколько уютных кафе.

Я зашёл в мой любимый «Макс» и заказал, как всегда, «эспresso кафуль им халав хам бе-цад» – двойной эспresso с кувшинчиком горячего молока.

– Ты что приуныл? – спросил меня Ицик, мой постоянный сосед по столику, завсегдатай «Макса», какой-то подполковник в отставке.

Я поведал ему о своих злоключениях.

– Шай Кельберт? – повторил Ицик и вдруг засмеялся.

– Вы его знаете? – спросил я.

– Не обижайся на Шая. – Ицик продолжал улыбаться. – Он ничего не понимает ни в Японии, ни в японских стихах, но зато занимается делами куда более важными, и поверь, у него это неплохо получается.

– ???

– Забудь об этом. Лучше давай сюда свои стихи. Есть у меня один приятель...

Может быть, я смогу тебе помочь...

3.

Ицик говорил правду: Шай Кельберт действительно совершенно не разбирался в японской поэзии. Должность «ответственного по связям» была всего лишь прикрытием, а на самом деле он был кадровым офицером Моссада, и его непосредственной обязанностью была координация работы израильской разведки в Париже.

А в последнее время ему было совсем не до японских стихов: в парижском отделе Моссада началась непонятная и страшная эпидемия провалов. Погибли или куда-то исчезли несколько лучших израильских агентов, и Шай должен был срочно выяснить, что происходит и быстро наладить нормальную работу отдела.

Ицик Каям вовсе не был «каким-то подполковником в отставке». Он был старшим офицером Моссада и непосредственным начальником Шая.

Сидя в своём кабинете, он уже в который раз обсуждал с Шаем сложившуюся в Париже ситуацию:

– Анализируя эти провалы, я пришёл к выводу, что у нас завёлся «крот», а среди наших ребят в Париже появился двойной агент. Провалы начались в январе, примерно в это время у нас в Париже начали работать два новых агента. Для начала было бы неплохо их проверить. В любом случае, этот клубок надо начинать раскручивать оттуда. Так мы и до крота доберёмся.

– Как вы предлагаете это сделать?

– Есть у меня одна идея... Помнишь, к тебе на днях приходил странный парень с японскими стихами?..

4.

Через пару дней мне неожиданно позвонил Шай Кельберт:

– У нас появилась возможность помочь вам с изданием ваших стихов, – он говорил своим обычным сахарным голосом. – Но вам придётся на недельку слетать в Париж. Сможете?

– Слетать в Париж?! – От неожиданности у меня закружилась голова. – Вот здорово! Конечно, смогу! Я сейчас абсолютно свободен. Вот только с деньгами туговато...

Честно говоря, я уже полгода был безработным, а на перевод стихов, на иврит и английский ушли все мои сбережения.

– Не волнуйтесь, поездку мы вам оплатим, ведь своими стихами вы поднимете престиж Израиля. Навестите в Париже двух наших... издателей. Они вам помогут с публикацией стихов. С вами поедет наша сотрудница... Нет, не японка. Я жду вас через час в моём кабинете. Пропуск на ваше имя уже выписан.

*

«Наша сотрудница» уже сидела в кабинете Кельберта, когда я вошёл. Она оказалась невысокой блондинкой с бесцветными глазами и тонкой полоской рта. Японские стихи такой девушке не считаешь... Мечты о романтической поездке в Париж с прекрасной незнакомкой быстро улетучились. Эта девушка вызвала у меня чувство непонятной тревоги.

– Меня зовут Ора, – сказала она, протягивая руку.

*

Когда поэт вышел, Кельберт подозвал Ору и прошептал ей на ухо:

– Этот парень – человек Ицика. Он очень опасен для нас.

Ора тихо ответила:

– Не волнуйтесь, босс, ему не увидеть Парижа.

5.

Заместитель начальника внешней разведки России, полковник Иван Чехов получил от своего агента в Израиле странную, малопонятную информацию. В сообщении говорилось, что израильский супер-агент везёт в Париж какую-то книгу японских стихов. Никто точно не знал, что это за книга, но было ясно, что израильтяне считают её крайне важной и абсолютно секретной. Скорее всего, эта книга являлась ключом к шифру, а, может быть, в ней был очередной план завоевания евреями мира (что-то вроде новых «Протоколов сионских мудрецов»). Было ясно, что эту книгу нужно добыть любым путём. А для добывания чего-либо «любимым путём» у полковника всегда под рукой была неразлучная парочка: его лучший агент красавица Даша Лимонова и дядя Коля, уже немолодой, богатырского сложения мужчина, очень эффективный при всякого рода разборках.

В заключение инструктажа Чехов сказал:

– В последнее время израильская разведка оказала нам несколько существенных услуг. Поэтому при добывании книги израильтянина не убивать. Наоборот, помогите ему чем-нибудь, если сможете.

6.

Войдя в квартиру, я не сразу увидел её. Она стояла у окна и сначала показалась мне силуэтом, но глаза привыкли к освещению в комнате, и я рассмотрел худенькую японскую девушку в красивом праздничном кимоно и с традиционной японской причёской.

Почему-то, я совершенно не удивился и не испугался, хотя, конечно, ничего подобного не ожидал.

Она встретила меня приветливой улыбкой и лёгким поклоном:

– Конничи-ва .

– Конничи-ва , – машинально ответил я. – Кто ты?

– Я – Хитоми, – ответила японка. – Меня прислал к тебе одзиисан.

– Дедушка? – переспросил я.

– Да, одзиисан. Мой дедушка – Мацуо Басё.

Её ответ, признаться, немного озадачил меня. Великий японский поэт Мацуо Басё жил лет триста назад... Действительно, дедушка.

Но тут я увидел, что у девушки не было ног, и она как бы висела в воздухе! Можно сказать, что ситуация прояснилась: у японских приведений ю-урей, как известно, нет ног, а это значит, что «дедушка» Басё таки мог мне её прислать. «Мог»? Что за бред? Между тем, Хитоми продолжала:

– Дедушка прислал меня спасти тебя. Тебе угрожает опасность. Ты не должен ехать в Париж.

Это было уже слишком!

– Я не могу отказаться от этой поездки! Она всё изменит в моей жизни...

– О, да! Эта поездка действительно всё изменит в твоей жизни: ты из неё не вернёшься.

Она говорила так убеждённо, что я растерялся.

– Но почему, всё-таки, Басё-сэнсэй хочет меня спасти?
– Дедушке твои стихи понравились. – Ответила японка с лёгким поклоном.

7.

Ора села в самолёт перед самым взлётом, чтобы оказаться в салоне подальше от японского поэта. Поэт вызывал у неё сильное чувство неприязни, и она с большим удовольствием готовилась выполнить задание Кельберта.

Самолёт набрал высоту, и по громкой связи объявили, что можно отстегнуть ремни, и что стюардессы начинают разносить прохладительные напитки.

К Оре подошла красивая стюардесса-японка и с вежливой улыбкой предложила ей апельсиновый сок.

«Откуда на израильском самолёте стюардесса-японка?» – подумала Ора, но ужасно хотелось пить и, особенно не раздумывая, она выпила стакан холодного, вкусного сока.

В ту же минуту глаза её закрылись, голова упала на грудь и Ора погрузилась в глубокий сон...

8.

Когда я сел в автобус из аэропорта в Париж, на сидении рядом со мной сразу же появилась Хитоми.

Не теряя времени, она сказала:

– В отеле ты встретишь японку. Её послали тебя убить. Будь осторожен.

– Почему вдруг японка должна меня убивать? – спросил я, но Хитоми уже исчезла.

9.

Как только я поднялся в свой номер в отеле, зазвонил телефон.

– Вас ожидает в лобби какая-то дама. Пожалуйста, спуститесь.

Красивая японка, одетая в белую блузку и красную мини-юбку, сидела в кресле, скрестив ноги.

Увидев меня, девушка улыбнулась и встала мне навстречу. Я не мог отвести взгляда от её ног, даже и не пытался.

– Конничи-ва. – сказала девушка с лёгким поклоном. – Меня зовут Каё.

– Конничи-ва.

Она протянула мне большой белый конверт.

– Этот конверт просил передать вам Шай Кельберт. В нём вы найдёте адреса наших издателей в Париже и рекомендательные письма к ним.

Выполнив поручение, девушка как будто собиралась уходить.

– Каё-сан, можно вас пригласить в кафе?

– Я немного устала... Давайте поднимемся к вам в номер.

Вот это да! Я не поверил собственным ушам.

Когда мы поднимались в лифте, она скромно потупила глаза, как и полагается порядочной японке.

Войдя в номер, я нежно привлек девушку к себе, и мы поцеловались.

Но вдруг я почувствовал, что мы здесь не одни. В моей кровати лежала какая-то женщина! Это была Хитоми!!

Каё покраснела и выбежала из номера.

– Подожди, это не то, что ты думаешь! – я пытался её остановить, но, разумеется, тщетно.

На этот раз бесцеремонность Хитоми перешла все границы.

– Как ты смеешь вмешиваться в мою жизнь! Эта девушка влюбилась в меня, она сама предложила подняться ко мне в номер. А ты всё разрушила!

– Не будь дураком! – неожиданно резко сказала Хитоми. – Эта девушка – профессиональная убийца. У неё в сумочке лежит авторучка-шприц с цианидом. Её послали тебя убить, понимаешь?

– Ты просто ревнуешь, – сказал я. Разумеется, я ей не поверил.

Хитоми продолжала говорить, не обращая внимания на мои слова.

– Завтра ты встретишь русскую девушку. Она твой друг, можешь ей доверять.

– Только смотри не влюбись, эта русская – красавица, – добавила Хитоми, немного покраснев, и тут же растаяла в воздухе.

В моей жизни появилось слишком много красавиц.

Но самой красивой из всех была сама Хитоми. Может быть, я уже в неё влюбился?

10.

Когда едешь в Париж, полезно помнить, что «завтрак в европейском стиле» – это всего лишь кофе с круассаном.

Было утро, я сидел в ресторанчике отеля, пил «эспрессо» местного разлива и намазывал на круассан масло с повидлом. Вдруг в ресторан вошла высокая худенькая блондинка с чёлкой и направилась к моему столику. Она стремительно шла на длинных ногах походкой манекенщицы на подиуме.

Это наверняка была та русская, о которой говорила Хитоми.

Она смотрела на меня и приветливо улыбалась.

– Привет! Меня зовут Даша, я только что из Москвы. Надеюсь, я не помешаю? – И, не дожидаясь приглашения, она села напротив меня, как ни в чём не бывало. Впрочем, таким девушкам не отказывают.

– Всю ночь провела в самолёте, ужасно хочется крепкого кофе, но в парижских отелях кофе – помои.

Девушка весело улыбалась: похоже, плохой кофе не испортил ей настроения.

– Я – туристка, приехала посмотреть Париж. А ты что здесь делаешь? Если это, конечно, не секрет. – Даша усмехнулась.

– Да нет, это не секрет. Я написал книгу японских стихов и приехал в Париж её издать.

– Ты знаешь японский? Вот здорово! Как же ты будешь её здесь издавать?

– У меня есть адреса двух издателей, может быть, они помогут. Как раз сейчас собираюсь их навестить.

– А я сегодня свободна. Давай пойдём вместе. Никогда не видела живого издателя. – Она почему-то сделала ударение на слове «живого».

Конечно, я обрадовался её предложению – с такой не пропадёшь.

– Тогда пошли, – весело сказала девушка. – А ты покажешь мне свою книгу?

– Да я тебе её подарю!

В отличном настроении мы вышли из отеля.

11.

Ближайший к нам издатель жил в районе площади Сан-Мишель. Мы быстро разыскали красивый каменный дом восемнадцатого века и поднялись на второй этаж.

Нам открыл высокий брюнет с неприятным лицом.

Услышав о книге японских стихов, он пришёл в неописуемую ярость:

– Ты что, за идиота меня держишь? Думаешь, я не понимаю, зачем ты пожаловал? Я тебе покажу японские стихи! Я сейчас тебя и твою русскую шлюху... – он сунул руку в карман, но тут же был сбит ударом Дашиной ноги. Вот, оказывается, для чего длинноногие девушки носят мини-юбки!

– Пожалуйста, не бей его, – сказал я Даше. – Он просто не любит японские стихи. Нельзя же из-за этого избивать человека!

Даша улыбнулась и ничего не ответила. Она наклонилась над поверженным издателем, достала у него из кармана пистолет и жёстко сказала:

– Не связывайся с русскими, говнюк. Костей не соберёшь.

«Зачем ей японские стихи?» – подумал я.

Когда мы вышли на улицу, Даша выглядела немного озабоченной:

– Почему-то мне кажется, что этот парень не захочет издавать твою книгу. Но, может быть, нам больше повезёт со вторым издателем.

Вдруг её сотовый телефон зазвонил. Обменявшись с кем-то несколькими фразами, Даша повернулась ко мне:

– У второго издателя нас ждёт много гостей. Пришлось вызвать дядю Колю.

Я не понял Дашиных слов, но у дома второго издателя нас ждал здоровенный детина неопределённого возраста с красным небритым лицом и чёрным свёртком подмышкой.

– Ой, дядя Коля, как я рада тебя видеть! – Даша чмокнула его в щёку, мы вошли в подъезд и начали быстро подниматься по ступенькам.

12.

Дверь нам открыла Ора, а в гостиной нас поджидали Шай Кельберт, Каё и ещё какой-то тип в чёрных очках.

– Твоё путешествие закончится здесь, парень. – сказал Шай Кельберт со своей обычной сладенькой улыбочкой. – Мне очень жаль, но твои «великие» стихи так никогда и не будут опубликованы.

Он вынул пистолет.

– А Дегтярёв считает по-другому. – вдруг сказал дядя Коля.

– Какой ещё Дегтярёв? – не понял Кельберт.

– А вот он, познакомься. – В руках у дяди Коли вдруг появился допотопного вида пулемёт, и комната потонула в дыме и ужасном грохоте...

*

Когда мы расставались с Дашей, я подарил ей свою книжку с дарственной надписью. По-моему, она была очень довольна.

Даша – красивая девушка, но не в моём вкусе.

Я сидел в кафе «Макс», один за столиком, и предавался грустным размышлениям.

Мои стихи так и остались неопубликованными. Никому они, наверное, не нужны.

Хитоми, выполнив свою миссию, исчезла навсегда, как и полагается порядочным японским приведениям. Наверное, вернулась к своему дедушке.

А я остался в одиночестве, как и полагается порядочным поэтам...

Вдруг стеклянная дверь кафе открылась, и вошла Хитоми! Да, она именно вошла: у неё были ноги! Лицо её светилось радостью.

Задыхаясь от неожиданного счастья, я бросился к ней навстречу.

– Дедушка отпустил меня к тебе. Он уверен, что я с тобой буду счастлива.

– О, какое наслаждение – быть женщиной! – Она немного наклонилась, разгладила юбку и, разглядывая свои ноги, лукаво спросила:

– Правда, у меня красивей ноги, чем у Каё-сан?

Вместо ответа я нежно поцеловал её. Чувство переполняло моё сердце.

– А мы поедem на могилу дедушки? – спросила она.

Пришлось поцеловать её ещё раз.

14.

Через пару дней мне неожиданно позвонил Ицик, мой бывший сосед по столику в кафе «Макс»:

– У нас появилась возможность помочь тебе с изданием стихов, – сказал он вкрадчивым голосом. – Ты сможешь на недельку слетать в Москву?

– К сожалению, не получится. Завтра я вылетаю в О-отсу.

– О-отсу? Где это? Зачем ты туда летишь?

– О-отсу – это маленький городок в Японии, на берегу озера Бива. Там похоронен Басё – японский поэт. Мне нужно срочно помолиться на его могиле.

– ??? – Ицик явно не знал, как продолжить разговор.

15.

На могиле Басё среди живых цветов и курящихся ароматических палочек сэнка лежит книжка стихов неизвестного израильского поэта.

На раскрытой ветром странице можно прочесть:

Ненаписанное стихотворение –
как не рождённый ребёнок,
когда-нибудь в этот мир
вернётся красивым цветком.

